

Валентин Верховцев

ЗАПАХ СИРЕНИ

СТРАНИЧКИ ИЗ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Архангельск, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Друзья и подруги **3**

Как всё начиналось	Читать фрагмент	5
Первые шаги	Читать фрагмент	11
Однокурсники и землячки	Читать фрагмент	18
Трудно ничего не делать	Читать фрагмент	32
Институтские курьёзности	Читать фрагмент	36
Откровения		46
Рассказ Вовчика		51
Времяпровождение	Читать фрагмент	56
Ёлка и Мила		62
Ленинградские дневники	Читать фрагмент	70
Культ личности	Читать фрагмент	81
Две Тамары		83
Элла		101
Юра, Ира и Пётр		122
«Те» девочки		131
Мила и Виктор		139
Снова Элла		143
Новогодние истории		150

Часть вторая. Мой милый друг **155**

Ленинград	157
Выборг	160
Дневник	164
Переписка	171
В деревне	179
Второй курс	182
Дискуссии	187
Диалоги из записной книжки	197
Продолжение диалогов. Раздумья	205
Каникулы	214
Разные разности	219
Размышления	229

Новости	235
Последняя весна в Выборге	244
Псков	250
Откровенный разговор	256
«Забастовка» и прочие сложности	260
На новом месте	264
Встречи в ноябре	272
Декабрьские встречи	282
Противоречивый январь	296
Противостояние	299

Часть третья. Ксюша 315

Две встречи	Читать фрагмент	317
Первое расставание		327
«Обгоняющая ветер»	Читать фрагмент	330
Зачёт по философии	Читать главу	336
Прогулки. Взаимные обиды		341
День рождения Светки		351
И снова сорвался		359
В лесу		369
Прощание		377
Военные лагеря	Читать фрагмент	379
Девять дней вместе		397
Куйбышевская ГЭС	Читать фрагмент	408
Тягостные раздумья		416
Пятый курс. Первые дни	Читать фрагмент	425
Развязка		433

Часть четвёртая. «А в Агафоновке опять цветёт сирень» 443

Вечеринка	Читать фрагмент	445
Неприятные встречи		455
Визиты		459
Крутой поворот		467
Вечерние беседы на кухне		474
Откровения	Читать фрагмент	484
Раздрай		490
В противоречивых раздумьях	Читать фрагмент	499
Лекция о сексуальном воспитании		508
Преддипломная суета	Читать фрагмент	513
Новости		525
Защита		527

Последние дни	530
Возвращение домой	539
Послесловие	Читать главу 543

Я пытаюсь дать себе отчет о той страсти, всякое искреннее проявление которой носит печать «прекрасного».

Стендаль «О любви»

В день радостный, светлый, весенний,

Смесь солнца, улыбок и грез,

Дурмящий запах сирени

На крыльях нам юность принес!

ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ

*« Только в юности играют
Так светло и громко трубы,
Лишь у юности бывают
Нецелованные губы!»*

Эдуард Асадов

*Можно шутить, можно подражаться,
Можно грустить, можно смеяться!
Можно до одури нацеловаться!
Можно «нечаянно» и поднабраться!
Можно за спорами встретить рассвет,
Так не узнав, кто же прав, а кто нет.
Петь под гитару с друзьями в кругу,
Аль у костра на зелёном лугу!
Можно с подругою в танце кружиться,
Можно «нечаянно» взять и ... влюбиться!
-Только вот надо ещё... и учиться!*

КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ

В молодости я был страшно влюбчив. Вид привлекательной девушки вгонял меня в нервную дрожь, а встреча с красивой ухоженной женщиной вызывала у меня душевный трепет. Я испытывал дискомфорт при виде неаккуратно одетого человека и какую-то растерянность, если этим человеком оказывалась женщина или девушка. Но в моей жизни был период, когда на какое-то время, и в какой-то мере, я забыл о женской привлекательности, охваченный одним, всё поглощающим стремлением стать студентом.

До сих пор помню, как, набрав по итогам вступительных экзаменов 22 балла, при проходных 23, терзаемый неопределённостью, я сидел на балконе общежития накануне дня объявления результатов, скользя взглядом по крышам домов и прилегающим улицам. «Если первым пройдёт трамвай в сторону института, - загадывал я, глядя на ленту трамвайных путей, открывающуюся в пролёте между домами, - значит, поступлю, если наоборот - нет».

Первым проходит трамвай к институту, - сердце приятно защемило. Загадываю «для крепости» ещё раз, и снова трамвай, теперь уже другого маршрута, идёт в том же направлении. Непонятно зачем загадываю третий раз, «чтоб наверняка!», но из-за поворота улицы теперь уже в сторону центра города выползает одиночный вагон трамвая. «Это не считается!» - успокаиваю я себя и загадываю снова. И так не один раз, но беспокойство не проходит. Это волнение ещё больше ощущается в комнате общежития, куда я возвращаюсь после вечернего бдения на балконе, где ещё семеро, таких же, как я, ждут с нетерпением и тревогой «судного дня». Списки должны были вывесить в двенадцать, и мы единодушно решаем «выдержать характер» и не бежать с утра в институт, но нашей выдержки хватило ненадолго - уже к одиннадцати мы были в институте, влившись в общую массу абитуриентов, заполнивших, почти до отказа, институтское фойе. Напряжение достигло апогея, когда, наконец-то, на стене один за другим забелели, вывешиваемые секретарём приёмной комиссии, листочки с фамилиями счастливых.

С трудом сдерживаю себя, чтобы не рвануть сразу в круговорот устремившихся к спискам. И вот первый откат. Радость и восторг - в глазах одних, отчаяние и растерянность - в других. Какая-то девчушка беззвучно плачет, закрыв ладошками глаза и некрасиво сморщив рот. Мысленно холодею, на миг представив себя на её месте, и, сдерживая волнение,

проталкиваюсь к спискам. Почти сразу же нахожу свою фамилию, и неимоверная радость заполняет сознание.

«Ура! Принят!» - кричит ликующе внутренний голос, а меня уже оттесняют от списков, и я не сразу соображаю, о чём спрашивает меня, сжав мой локоть, Валентин Алёхин, мой сосед по комнате. Оборачиваюсь.

- Ну, как? - повторяет вопрос Алёхин.

- Всё путём! - не скрывая радости, отвечаю я. - А как ты?

- Всё подтвердилось. Принят, - Валентин мог не волноваться, он набрал 24 балла, а это была верная гарантия поступления, и он пришёл со всеми, «дабы удостовериться», как пояснил он.

Вместе мы провели три недели, оказавшись в одной комнате общежития, и как-то сразу быстро сошлись. Валентин, в отличие от меня, подал документы на Автофак, меня же специальность автомеханика не прельщала, но я колебался в выборе между факультетами «промышленного и гражданского строительства» и «дорожным», и хотя ПГС более интересовал меня, я всё-таки остановился на «дорожном», памятуя слова отца, сказанные мне перед отъездом в институт: «Давай езжай, но имей в виду, я оплачиваю только одну попытку, на вторую деньги будешь зарабатывать сам». - Может быть это было сказано для острастки, но я не хотел рисковать, и выбирал институт и город, чтобы риск был минимальным, и подал документы на факультет, где конкурс был ниже.

Протолкавшись ещё какое-то время по фойе, теперь уже интересуясь, как дела у других, мы зашли на институтскую почту и отправили телеграммы домой, а потом, уже не заходя в общежитие, вместе с примкнувшими к нам Володей Серковым и Евгением Бессоновым, тоже из нашей комнаты, рванули в город «развезаться». От корпусов института, расположенного, по сути, на окраине Саратова и раскинувшегося на площади более чем в двадцатка гектар, до центра города можно было добраться или автобусом, или трамваем, излюбленным транспортом студентов.

- Едем на Волгу, - предложил Алёхин.

.....

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Свой первый семестр я, практически, завалил. Да один ли я? То, что произошло со мной, стало для меня хоть каким-то уроком, а вот для Женьки Бессонова, что так легко проскочил в институт, получив проходной бал, первый семестр стал и последним. В январе после зимней сессии, на которой он не сдал три экзамена из пяти, его отчислили из института, я же просто остался без стипендии, получив тройки по математике и химии. А как всё прекрасно начиналось!

На следующий день, после обнародования результатов экзаменов, мы, как и договорились накануне, сняли комнату у бабы Маши недалеко от института в уютном деревянном домике, утонувшем в яблонево́м саду. Сразу же перебрались туда, и ещё шесть дней шлялись по городу. Мир был прекрасен! Снова мой взгляд выделял из окружающего мира стройные девичьи фигуры, доставляя приятное волнение моему сердцу. Иногда я ловил ответные взгляды и стыдливо отводил глаза, чтобы через мгновение снова обратить их на «опасный предмет».

Началась учёба. Всё было вновь, всё было интересно. Казалось всё по силам, всё осуществимо. Основное время занимали лекции, пропустить которые не составляло никакого труда. Практические занятия, особенно в начале семестра, были не по всем предметам, и не каждый день. Это расслабляло и расхолаживало. Из шести дорожных групп наша была пятая. Из двадцати пяти человек было три девчонки, так сказать «довесок», поскольку в истинно женской шестой группе они оказались «сверх штата». Основная масса первокурсников жила по частным квартирам, в общежитие были устроены единицы.

Запомнился день знакомства с преподавателем немецкого языка, обрусевшей немкой Дианой Александровной Штейн, начавшей занятия с проверки наших способностей к чтению на языке её предков. Дошла и моя очередь. Послушав меня минуты две, она, в отличие от других, с кем ещё и обменивалась парой фраз на родном языке, остановила меня, повернув в мою сторону узкую ладонь своей ухоженной руки.

- Достаточно, Вежливцев! Не портите язык Шиллера и Гёте! Отныне Вы будете мне только переводить, я не хочу слышать Ваше отвратительное произношение!

И она сдержала своё слово, «облегчив» мою жизнь. Конечно, это было далеко от педагогики, но мне было грешно на неё обижаться. Много позже, я неоднократно обзывал себя олухом, поняв, что именно у этой женщины я мог бы научиться нормальному немецкому языку, о чём и сожалел в дальнейшем.

.....

Совершенно неожиданно для самого себя на первом курсе у меня

появился интерес к предмету, который, при здоровом размышлении, никак не мог заинтересовать меня, но, тем не менее, это произошло. На первом практическом занятии по основам марксизма-ленинизма преподаватель дал нам задание подготовиться к обсуждению работы Сталина «Основы ленинизма». Пришлось идти в читальный зал институтской библиотеки брать указанную работу. Работа оказалась на удивление весьма объёмной, но, тем не менее, очень интересной. Её было интересно не только читать, но и конспектировать! Ленинские трактаты в ней Сталиным были разжёваны, как для первоклассника! Я увлёкся, и вместо одного раздела, законспектировал всю работу и с блеском выступил на семинаре, став с того времени для группы палочкой - выручалочкой, особенно когда готовность группы по той или другой теме была низкой, и требовалось затянуть время, пустив его в русло «партийных дискуссий». Соответственно и экзамен по этому предмету я сдал также легко. Жаль, что этого мне не удавалось достичь по другим предметам!

.....

Окончание первого курса я ознаменовал визитом к ректору института, решив перейти на автомобильный факультет, чему не малой степени способствовали мои контакты с Алёхиным. Объяснив цель своего визита, я подал ректору своё заявление с выпиской из экзаменационных листов. Не знаю, чем объяснить, но на меня желторотого студента профессор Прокофьев затратил чуть ли не час своего времени. Приписывать это только стечению обстоятельств и хорошему настроению ректора было бы не верно, хотя было и это, но, главное, он очень серьёзно отнёсся к моей просьбе. Взяв заявление, он внимательно прочёл его, положил на стол и посмотрел на меня.

- Чем вызвано Ваше решение?

Я, конечно, мог бы отговориться, что, мол, хотел поступать сразу на Автофак, да испугался конкурса, но я сказал, что думал:

- Вы знаете, я не вижу ничего интересного в дорожном строительстве, да и в институте Автофак считается более престижным факультетом.

- То, что так думают студенты младших курсов, вполне объяснимо и совсем не подтверждает фактическое состояние дел. Отчасти, в этом вина института, что мы не достаточно полно рассказываем о каждом факультете, хотя для нас каждый факультет, по-своему, дорог, - ректор на мгновение прервался и обратился ко мне: - Скажите, а Вы не задумывались над тем, кем Вы будете работать после окончания института? Я не говорю о первых шагах, я имею в виду перспективу, - Прокофьев помолчал, почувствовав мою растерянность, и сам же ответил: - Для выпускника Автофака - это механик, старший механик, завгар, начальник автохозяйства, и, может быть, главный механик строительного

подразделения. Дальнейшее продвижение уже менее связано с полученной специальностью. Так вот, из этих пяти должностей две, даже три первых, предполагают комбинезон и копание во внутренностях автомобилей и других механизмов. И поверьте мне на слово, продвижение по этой служебной лестнице дело довольно затяжное, ведь специалистов, примерно того же профиля, выпускает и механический факультет, и очень многие ВУЗы страны. Дорожная отрасль, для такой страны, как наша, перспективна до невозможности, а специалистов этого профиля выпускает только пять специализированных ВУЗов и ещё некоторые строительные ВУЗы имеют дорожные факультеты, а это мало, очень мало! Развитие нашей страны невозможно без форсирования дорожного строительства, а это кадры, кадры и ещё раз кадры. А отсюда неограниченные перспективы роста.

Прокофьев говорил долго, увлечённо и образно, приводил массу примеров, ссылаясь и на собственный опыт, наконец, закончил и хитро посмотрел на меня:

- Надеюсь, я хоть в чём-то убедил Вас или Вы по-прежнему настаиваете на переводе?

- Нет, не настаиваю.

- И правильно делаете! Пройдёт не так много времени, как Вы будете с благодарностью вспоминать меня, что я вовремя удержал Вас от опрометчивого решения.

Жизнь подтвердила его правоту, и я искренне благодарен этому мудрому человеку.

ОДНОКУРСНИКИ И ЗЕМЛЯЧКИ

Первый день практических занятий, когда группа впервые собралась вместе, выпал на математику. Если на потоке я ещё кого-то знал из тех, с кем познакомился при сдаче вступительных экзаменов, то в группе из них никого не оказалось, и мне пришлось знакомства заводить заново. Первым был Саша Дербенёв, с которым я, по воле случая, на этом первом занятии оказался за одним столом. Это было сверхудачное знакомство, которое переросло в дружбу, связавшую нас на долгие годы. Хотя все, кто был с нами знаком поближе, отмечали нашу крайнюю несхожесть, но, видимо, это и было одной из причин нашей длительной дружбы.

Вскоре к нашей компании присоединился Саша Шмыгин, спокойный, даже слегка флегматичный парень, приехавший поступать вместе с матерью, поскольку вся семья и состояла из них двоих. Тётя Шура «проучилась» вместе с нами все пять лет, а потом и уехала по распределению вместе с Сашей.

.....

Витя Одинокоев примкнул к нашей компании несколько позже, где-то уж на втором курсе, и был чуть ближе ко мне, чем к двум Александрам. Что же касается всех остальных, то я ладил, практически, со всеми, с кем-то в большей, с кем-то в меньшей степени, то сближаясь, то расходясь. Именно такое сближение связывало меня на протяжении почти трёх лет с Валентином Алёхиным, с которым вместе поступал и потом жил на одной квартире в течение полутора лет. Когда же Валентину предоставили общежитие, мы стали видеться реже, и наши связи ослабли. В то же время наша дружба с Володей Серковым, хотя он и учился в электромеханическом техникуме и жил на квартире только два года, сохранилась надолго.

Среди тех, кто учился со мной в одной группе, особо колоритной фигурой был Генка Дьяченко (в нашем обиходе - Дьяк). Он появился в группе, когда занятия уже начались, переводом из Калининградского военно-морского училища, где отучился год, но был отчислен за «бузу». Спас отец, служивший в Германии. Дело замяли, а Генку перевели к нам в автодорожный, снова на первый курс.

Это был далеко не ординарный парень, плотно сбитый усатый крепыш с носом картошкой, он играл почти на всех музыкальных инструментах, хорошо пел, имел спортивные разряды по двум или трём видам спорта. Был общителен, но горяч, и под горячую руку мог наворотить, Бог весть, что. С его приходом группа словно ожила, стало значительно веселее и свободнее.

Учился Генка не напрягаясь, благо помощь, которую оказывал ему отец, была весьма существенна и позволяла не оглядываться на стипендию. «Главное, не выпасть из обоймы», - было его любимым выражением, когда нужно было подчистить хвосты, которые у него то исчезали, то появлялись снова и снова. Генка никогда не унывал, по крайней мере, не подавал виду.

Как-то в день сдачи экзаменов по математике мы с Сашко спешили туда же и нос к носу столкнулись с Генкой.

- Ты что уже с экзамена? - поинтересовался Сашко.

- Ага.

- Что попало?

- Уравнение Бернулли.

- Ну и как?

- Мы его перевернули...

- Что сделал? - переспросил Сашко.

- Встали и ушли, - добавил Генка и засмеялся, глядя на нас, не сразу сообразивших, в чём дело, словно это не он только что завалил экзамен.

Генка жил на квартире вместе с Алмазом Шарафутдиновым и Юрой Фокиным. Из этой троицы, более-менее ровно учился один Алмаз, поскольку не мог рассчитывать на серьёзную помощь из дому.

.....

Юрка был из обеспеченной семьи, его отец, председатель орденоносного колхоза-миллионера на Тамбовщине, хорошо помогал сыну. Он был мал ростом, худощав и больше напоминал школьника, чем студента, и этим резко отличался и от Генки, и от Алмаза, почти такого же плотного, как и Генка. Юрка был страшный спорун. Любимое его выражение: «Давай на спор!» Спорил почти по любому пустячному поводу и очень часто попадал впросак. Однажды вечером «коммуна» купила к чаю два килограмма халвы. Только сели за стол, а Юрка изрёк:

- Я эту халву и один бы съел!

Генка завёлся вполборота:

- Да подавишься ведь!

- На что хочешь, спорим - съем!

- Ну, жри, но если не осилишь, купишь вдвойне.

Как рассказывал Витя Теслин, случайно заскочивший к ним, это было потешное зрелище, когда двое голодных, смотрели, как третий уплетал их халву. Халву Юрка не осилил, остался кусочек грамм в сто пятьдесят, но он уже не полз ему в рот. Генка был зол, как чёрт, тем более что пока спорили, а Юрка ел, продуктовые магазины, что были рядом, закрылись. Чай пили молча, заняв сахарного песку у хозяйки.

.....

По складу своего характера я был человек коммуникабельный, легко сходился с людьми, и круг моих близких знакомых был достаточно широк, причём женская половина среди них была достаточно обширной. Общение с девчонками для меня было не менее интересно, чем общение с ребятами, хотя я долгое время девчонок стеснялся, всячески скрывая этот свой недостаток. Испытывая дефицит общения в первые месяцы своего пребывания в институте, и узнав из писем домой, что в Саратове учатся девчонки, закончившие нашу школу на год раньше, я уже где-то месяца через

полтора нашёл своих землячек. Тося, Нина и Римма помогли мне и моим друзьям быстрее освоиться на новом месте. Буквально через год в Саратов с родного города приехали ещё две наших девчонки Саша Пирогова и Нина Кангур. При таком раскладе скучать уже было абсолютно некогда. Первые трое учились в экономическом институте, две другие, не поступив в педагогический институт, сдали документы в двухгодичную фельдшерско-акушерскую школу. Я часто бывал у землячек, заезжал один, бывал и со своими друзьями, не чурались и они нашей квартиры.

.....

ТРУДНО НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ

Учился я крайне неровно, особенно первые два года, чему не в малой степени способствовала «демократичность», царившая в институте, и, не в меньшей степени, наше проживание на квартире. По крайней мере, мы так считали, хотя, конечно, дело было, в первую очередь, в нас самих. Перелистывая свои дневники тех лет, я ужаснулся, как я мог так учиться, постоянно тонуть и, надо же, - выплывать! Вот несколько записей за два последних месяца перед зимней сессией второго курса, которые, в какой-то мере, передают обстановку того периода:

28 октября.

Уже хотел не идти в институт, хотя с вечера таких мыслей не было. Да я бы пошёл, если бы Валентин разбудил меня, но он и сам проспал. Проснулся около девяти, вставать не хотелось, но Валентин поднялся, толкнул меня, хотя только что перед этим высказывал крамольную мысль «не ходить». Соскочил, не давая себе времени опомниться. В институт успели ко второму часу лекций. Кругом люди, настроение поднялось, а ведь на квартире чувствуешь себя, как за бортом.

4 ноября.

Сделали страшную глупость, ушли с Сашко с «электротехники» в кино. Когда стояли на перерыве в коридоре ещё с тремя пацанами, что решили тоже «сачкануть», подскочил Саша Шмыгин и сообщил «радостную весть», что на «электротехнике» будет общая проверка всего потока и надо возвращаться, чтобы не погореть. Я был склонен вернуться, но Сашко предложил плюнуть.

Так и поступили, а вместе с нами и те трое ребят. Безусловно, это было глупо, поскольку проверка выявила не просто наше неприсутствие на данной лекции, но и «неоднократные пропуски лекций при хронической задержке сдачи зачётов и курсовых работ».

В девчачьей группе отсутствовало, как и в нашей, около половины, а в четвёртой - вообще не могли проверить, поскольку не было старосты, а на предложение секретаря деканата «встать, кто присутствует из группы»,

поднялись только четыре человека. Ждём очередного разбирательства.

9 ноября.

В институт так и не пошли, хотя вполне можно было просидеть ещё на паре лекций, но утром нас, как всегда, забрала лень. Я просыпался около восьми, но вставать не хотелось, решил полежать и проспал до одиннадцати, но особо не расстраивался, поскольку со старостой была договорённость «прикрыть в случае чего». Мы вчера приехали от девчонок во втором часу ночи, еле успели на последний трамвай.

16 ноября.

Что-то капитально пошатнулось на учебном фронте, никак не могу взяться, хотя работы по горло. До сих пор не отчитался по Дорстроймату. Смешно и печально. Не сдал зачёт по математике, хотя возможности были. Не начал третью работу по строительной механике, а двадцатого надо сдавать. Не перевёл ни строчки по немецкому. Schlecht! Sehr Schlecht! Заплываю. До чего неприятное состояние.

Сегодня надо было пересдавать контрольную работу по гидравлике - не пошёл, струсил. Сейчас самому противно. Знаю, что сделал постыдно, сознаю, а сопротивляюсь этому очень робко и то до тех пор, пока капитально не прижмёт, а потом сижу ночами, и с трудом, но выкарабкиваюсь!

4 декабря.

Сегодня день успешный, ликвидировал два хвоста - написал контрольную по гидравлике и сдал коллоквиум по грунтоведению. Сразу стало легче. Осталось ещё два больших хвоста и куча маленьких, но это ничего, не у одного меня так, хотя надо спешить, а то может всё кончиться плачевно.

12 декабря.

Целый день собирался сесть за занятия, но так и не сел. Только и смог,

что съездить к Сашко за конспектами. Пухну с курсовыми. Надо нажимать на все педали, но они почему-то плохо крутятся. Как выкарабкаюсь, ума не приложу.

16 декабря.

Иностранний окончательно завалил, плюс строительная механика, теперь ещё добавилась теплотехника. Завтра два зачёта, послезавтра ещё два. К тому же надо предоставить лекции по политэкономии, а я их не писал. Все мои конспекты ограничиваются развёрнутым планом по одной теме в прошлом семестре, когда я с блеском выступил на семинаре и получил один из всей группы зачёт автоматом. В этом семестре я пару раз удачно дополнял на семинарских занятиях, так что зачёт мне тоже обеспечен, но надо показать конспекты лекций. У кого их «занять», ума не приложу. Если в течение этой недели не удастся исправить положение дел, будет сплошной завал.

28 декабря.

Ура! Я рассчитался по всем долгам. Сегодня столкнул последние два зачёта. Остались «тысячи» по немецкому, которые придётся отложить на следующий семестр, благо Штейн не возражает, поскольку долги не только у меня, а в компании с другими и спокойнее. Надо срочно восстанавливать связи на Инфаке пединститута.

.....

ИНСТИТУТСКИЕ КУРЬЁЗНОСТИ

Наш институт был не лучше, но и не хуже целого ряда других. По крайней мере, запас знаний, что я здесь получил, оказался хорошим багажом, позволившим мне довольно высоко продвинуться на производственном поприще. Но из воспоминаний о тех днях студенчества в памяти сохранились в большей степени разные хохмы, хотя это было далеко не основным в нашей студенческой жизни.

Кафедра «Высшей математики» была в институте одной из лучших кафедр, и, я думаю, не уступала аналогичным кафедрам педагогических вузов. Но так ли уж были нужны, нам технарям, знания дифференциалов и интегралов? И, тем не менее, спрашивали нас дотошно. Почти постоянно перед дверью аудитории, что рядом с кафедрой, толпились «хвостисты». Как-то, незадолго до экзаменов, проходя мимо, я случайно взглянул на список, пришедших на пересдачу, что висел на двери аудитории, и напротив одной из фамилий, вместо обычных зачётов и прочерков, увидел три буквы - П.С.Х.

- Что это такое? - поинтересовался я у Ромки Вернера, своего однокурсника.

- Погиб Смертью Храбрых, - пояснил, улыбаясь, Ромка. - Это у него был двенадцатый заход.

- Ни фиги себе! - удивился я.

- Это ещё что! Вон Сперанский из четвёртой группы только на двадцать второй раз сдал.

- Как это ему разрешили?

- Так он же «болезный», если надо, всегда справку принесёт.

- А ты что тут толкаешься? Тоже пересдаешь?

- Обижаешь, я зачёт сдавал.

- И с какого же захода?

- Как все нормальные люди - с третьего, - похвастал Ромка, растянув в улыбке рот.

- А что же тогда здесь отираешься?

- Там ещё двое из нашей группы, надо поддержать.

- Послезавтра экзамен. Ты готов?

Ромка, не отвечая, вытянул из карманов две гармошки шпор.

- Так ведь поймать могут!

- А это к кому и куда сядешь. Вчера сдавала третья группа, так вот Витьку Столярова попутала со шпорами сама Семёнова, зав кафедрой. Говорит: «Дайте сюда». Тот отдал. А у него шпоры загляденье, написаны коротко, чётко, понятно. Он же ни одной лекции не пропустил. Она стала, не спеша, крутить гармошку пальцами. Спрашивает: «Сами писали?» «Сам», - отвечает Витька. «И сколько времени на это потратили?» «Три дня с небольшим» Та молча берёт его зачётку, ставит «отл» и отдаёт ему со словами: «Отличный конспект у Вас получился, можно было бы и не

заглядывать. Только я его Вам не отдам, оставлю себе на память». Потом обращается к тем, кто сидел в аудитории: «Кто ещё сам писал шпаргалки?» Поднимается Дровяников: «Я писал». Та ему: «Ну, показывайте». Он подходит, отдаёт ей шпоры, та начинает просматривать. Потом берёт Витькины шпоры, что-то смотрит, поднимает глаза на Дровяникова, спрашивает: «А сколько дней Вы писали?» Тот: «Три» А она ему: «Что же Вы так невнимательно «работали», что и описки Столярова не исправили? Идите, на сегодня Вы свободны, но буду ждать Вас, и уж к другому преподавателю, пожалуйста, не садитесь. Очень мне хочется лично с Вами побеседовать».

Ромка засмеялся, потом, посерьёзнев, добавил:

- Сгорел Петька, по-крупному сгорел, жалко парня.

Использование шпор, в общем-то, было обычным делом. Конечно, пользовались ими далеко не все и далеко не везде. Не везде, это в том смысле, что не всегда в их использовании была необходимость, или это было без толку и опасно, как у Смирновой, хотя опасность не всегда сдерживала, чаще - закаляла. Не пользовались шпаргалками и те, кто был достаточно подготовлен, но таких было не так уж много. Мы, простые смертные, КУКИШ (краткий универсальный конспект или шпаргалку) – уважали и ценили, особенно, когда над ней приходилось трудиться самому. А вот что касается умения пользоваться, здесь были настоящие виртуозы, но и проколов было предостаточно.

Однажды Саша Шмыгин пошёл с «кукишем» сдавать строительную механику. Шпаргалка была в рукаве на резинке, чтобы «при опасности» она вслед за резинкой «шмыгнула» в рукав. Но, работая со шпорой, Саша увлёкся и не заметил подошедшего преподавателя, а очухался лишь, когда услышал:

- Дайте сюда!

Его пальцы непроизвольно разжались, а преподаватель, так же непроизвольно, сунул руку ему в рукав вслед за ускользающей шпаргалкой. Оба опомнились одновременно, только для Саши это закончилось пересдачей.

Не менее оригинальной фигурой на кафедре математики был и доцент Завадский. Однажды мы с Сашко встретили его, идущим по коридору и что-то на ходу записывающего на маленьком листочке бумаги. Поравнявшись с урной, Завадский скомкал и выбросил бумажку в урну и пошёл дальше, но, пройдя несколько шагов, возвратился, достал листочек из урны, расправил его, что-то на нём исправил, снова выбросил и, удовлетворённый, пошёл дальше. Ребята, стоявшие рядом, заинтересовались и отыскали эту бумажку, но в ней были только уравнения и формулы, по-видимому, какой-то вывод.

.....

В то время политекономию, да и не только её, если это было возможно, сдавали по отработанному, ещё задолго до нас, методу. Для этого объединялись усилия двух групп, одна из которых готовила ответы на

билеты, каждый на двух тетрадных листах, примерно по одному билету на одного человека, другая - множила эти ответы в пяти или шести экземплярах. Множительная техника в то время была довольно примитивной, да и находилась на особом учёте в соответствующих органах, так что студенты были вынуждены переписывать.

В результате этой «работы» каждый экзаменующийся шёл на экзамен с полным комплектом ответов на все вопросы. Всё остальное зависело от умения воспользоваться принесённым «багажом знаний». При этом раскладе не было никакого смысла готовиться к экзамену. И я, соответственно, поступил, как все. В течение двух или трёх часов добросовестнейшим образом подготовил ответ на билет № 10, что был мне поручен, и использовал остальное время по своему усмотрению, а когда наступил экзамен, явился на него с полным комплектом шпор. Но мне они не потребовались, я вытащил десятый билет. Спокойно сел за стол перед преподавателем, набросал, по памяти, короткий план и уже минут через пять пошёл отвечать.

Безусловно, ответил я блестяще, и в этом была моя ошибка. Преподаватель решил, что я достоин высокой оценки, и задал дополнительный вопрос, потом другой, третий, но на один из них я не ответил. Преподаватель видел, что я не мог ничего списать, у меня не было для этого времени, да и сидел я прямо перед ним, «закрыв своим телом» Сашко, севшего сзади меня. Находясь в полном недоумении, он посетовал:

- Я не знаю, что Вам и ставить, Вы так прекрасно отвечали по билету и не смогли ответить ни на один дополнительный вопрос. Что с Вами?

Меня спас Сашко своей репликой:

- Да растерялся он, вот всё из головы и вылетело.

- Тогда только «хорошо». Вы уж извините, но больше поставить не могу, - последние слова экзаменатор уже адресовал мне, подавая зачётку, которую я с радостью схватил, сказал «спасибо» и выскочил из аудитории.

Хочется рассказать ещё об одном преподавателе. Как-то ещё на первом курсе к нам на лекцию по «высшей математике» по ошибке зашёл Шестериков, ведущий курс «деталей машин», и стал читать лекцию про «косозубые колёса». Мы стали с интересом слушать. Через несколько минут вслед за ним вошла припозднившаяся Семёнова и удивилась, увидев Шестерикова:

- Иван Афанасьевич, вы перепутали аудиторию.

- А они слушают и молчат, - удивился тот в свою очередь.

- Да они, что угодно, будут слушать, лишь бы не математику, - резюмировала Семёнова, провожая Шестерикова.

.....

Совершенно другим человеком был доцент Файн, читавший нам курс «Мостов и тоннелей», и он был оригинален в совершенно другом плане. Он настолько хорошо знал свой предмет и настолько доходчиво и интересно

читал лекции, что и слушать, и записывать, и сдавать ему было легко. Его лекции боялись пропустить, настолько они были интересны и содержательны.

.....

Или вот другой случай, участником которого был я сам:

Пришли на лабораторные занятия по электротехнике, и полная неожиданность. Оказывается, на этот день ещё неделю назад были назначены зачётные занятия. Предстояло сдать на проверку тетрадь по практическим занятиям, отчитаться и выполнить практическую работу по схемам соединений «звезда» и «треугольник».

Для удобства проведения лабораторных работ ещё в начале семестра вся группа была разбита на подгруппы по четыре человека. В нашей подгруппе о зачётных занятиях в этот день знал только Шмыгин. Ни я, ни Сашко на том занятии, когда об этом говорили, не были, а Юрка Сараев хоть и присутствовал, но забыл совершенно, и в итоге для Шмыгина наша неосведомлённость стала абсолютной неожиданностью, и эту проблему нам предстояло «разрулить».

По тетрадям неувязки были только у меня, не была дооформлена работа по «звезде», но времени на это уже не было. Пошли отчитываться. Ближе к преподавателю посадили Шмыгина, он хоть что-то читал, остальные даже не заглядывали. С трудом, но по тетрадям отчитались. Шмыгин говорил, мы что-то поясняли и добавляли. Перешли к практической части. Собрали цепь, вроде всё честь по чести, даём нагрузку, а ток не идёт, приборы не работают. Начинаем проверять. Сашко случайно замыкает пальцами руки реостат с клеммой вольтметра, его шарахает током. Ржём. Снова проверяем цепь, теперь шарахнуло меня, снова хохот и никакого результата, а время идёт. Я «плюнул» на эти эксперименты, подошёл к группе Дьяченко, которая уже заканчивала работу, и переписав у них результаты испытаний, отдал листок Сарайчику.

И тут у нас всё пошло, «как надо». Два Сашки продолжали копошиться у цепи, делая вид, что производят различные соединения. Сарайчик с невозмутимым видом смотрел на неработающие приборы и громко, чтобы слышал преподаватель, диктовал мне их различные показания, поглядывая на листок, что я ему передал, я добросовестно записывал эти показания в ведомость. Ребята старались не смотреть на Юрку, поскольку его невозмутимый вид и вытаращенные глаза, кои он пялил на неработающие приборы, вызывали неудержимый смех. Дело шло ходко, и мы закончили вместе со всеми. Оформили результаты, Сашко отнёс их преподавателю и получил общий зачёт. Когда уже выходили из аудитории, я спросил у него, где моя лабораторная тетрадь, Сашко, со смехом, прояснил:

- Я её сунул вместе с нашими тетрадями в общую кучу, сказал, что всё исправлено, и «шеф», не заглядывая в неё, поставил тебе «птицу». Так что успокойся, всё нормально.

.....

В институте пересдача экзаменов с тройки на четвёрку, как правило, не допускалась. В крайнем случае, для этого требовалось разрешение декана, другое дело, если ты завалил экзамен, тогда повторная сдача была твоей обязанностью. Но так как тройка в сессии приводила к лишению стипендии, на экзамене выгоднее было получить «неуд», а ещё лучше вообще ничего, словно ты на нём и не был. Преподаватели, зная об этом, почти всегда, шли студентам навстречу.

Студенту оставалось предоставить в деканат доказательства, что он в день экзамена был болен и только по этой причине его не сдал. А для доказательства болезни требовалось получить справку от врача, но в институтской поликлинике, зная умение студентов симулировать почти любую болезнь, к терапевту «болящего» медсестра допускала только после измерения температуры. И была масса способов, получить необходимые +37,6 С. Наиболее простой из них заключался в следующем: «Пациент» брал свой градусник с нужной ему температурой и ставил его подмышку. Получив от медсестры второй градусник, ставил его под вторую руку, а по прошествии времени отдавал свой градусник. Беседа с врачом была уже «делом техники».

Правда, не всегда под рукой был градусник такой же, как у медсестры, а ведь их было великое множество и по цвету шкалы, и по конфигурации, а времени на размышление не было, справка была необходима того числа, когда был экзамен. В этом случае существовал другой способ - медсестру вызывали к «больному». Поскольку поликлиника была на первом этаже мужского общежития, это было несложно. Когда медсестра приходила в комнату, «больной» лежал на кровати, а рядом на тумбочке стоял стакан с горячим чаем. Медсестра давала больному градусник, тут её как-то отвлекали, градусник погружался на время в стакан, и искомое достигалось, но бывали и срывы из-за поспешности, когда градусник ломался от удара о дно стакана или температура чая была «критической».

Самый комичный случай произошёл с парнем с Автофака, который, не найдя нужного градусника, пришёл на приём, привязав подмышку, нагретую весьма ориентировочно, болванку металла. Сунув туда данный сестрой градусник, он вынул его с температурой +42 С. Увидев это, он убедил медсестру, что она не стряхнула градусник, снова поставил градусник и стал его довольно часто выдёргивать, дабы не допустить «перебора».

«Что Вы делаете?» - спросила удивлённо медсестра, увидев его манипуляции с градусником. «Смотрю, чтобы снова 42 не было», - ответил, не подумав, «больной», после чего был с позором выдворен из врачебного кабинета.

.....

ВРЕМЯПРОВОЖДЕНИЕ

.....

Знаю, что тогда я очень много читал, а поскольку читал без особого разбора, то вскоре меня откинуло от беллетристики, и я переключился на историческую литературу. Читая эти книги, у меня часто возникало желание узнать, а что здесь истина, а где вымысел автора. И я копался в первоисточниках, не очень-то задумываясь о времени, что я на это тратил. Потом меня заинтересовала астрономия, и, наконец, архитектура как-то успокоила меня, и это был истинно познавательный интерес. Правда, после того я снова стал читать художественную литературу, но более выборочно, и прежде чем взять очередную книгу, старался что-то узнать о ней и её авторе, и был счастлив, когда мне в руки попадала действительно достойная книга. Порой, я даже перечитывал отдельные страницы особенно понравившейся мне книги и делал выписки. Возникало неодолимое желание написать нечто подобное, и я даже пытался произвести это на страничках своего дневника, но всё оказалось сложнее, чем я думал. Но ведь точно также я мог читать и техническую литературу по изучаемым в институте предметам, но не читал, точнее, почти не читал. Мог, но не хотел.

.....

Посещение театров не было основным в нашем времяпровождении, но, если мы шли туда, то после таких походов хотелось идти в театр ещё и ещё. Мне казалось, что артисты какие-то особенные люди, и я как-то высказал эту мысль, на что Алёхин заметил:

- Безусловно, игра на сцене накладывает свой отпечаток, но и для самих артистов выходит боком. Со мною в группе учится Глеб, у него отец и мать артисты драмтеатра, так он говорил, что дома отец с матерью нормально разговаривать не могут, то он играет, то она, и друг друга в этом постоянно упрекают.

Я не стал спорить, но то, что искусство делает человека чище морально и духовно, в этом я убеждён. Помню, как поразил меня «Маскарад» и этот замечательный вальс, словно в этой музыке была заключена вся моя жизнь.

.....

Познакомился с Люсиной мамой, Марией Фёдоровной, очень

доброжелательной и гостеприимной женщиной. Лена была в своей комнате, но не спешила выходить, хотя, безусловно, слышала, что я пришёл. Мы довольно оживлённо беседовали, и как-то непроизвольно наш разговор затронул наше пребывание на целине.

- Что-то, в отличие от других, вы там не очень-то и заработали, - посетовала Мария Фёдоровна.

- Так ведь многое зависело от того, где работали, покрепче хозяйство, там лучше и платили, а потом для хорошего заработка

надо иметь соответствующую специальность, или попасть на более высокооплачиваемые работы. У нас, кто работал непосредственно на уборке, хорошо и получили, особенно, кто работал помощниками комбайнёров. Да там и работали, не считаясь со временем. А на токах, как мы, много не заработаешь. Вот и решили не уродоваться и в еде себе не отказывать, с чем успешно справились.

- Да и погода была не очень, - добавила Люся, - почти неделю шёл дождь, дороги развезло, дня два к нам даже продукты не подвозили. Одна работа зерно перелопачивать, чтоб не спарилось, да анекдоты рассказывать.

- Да анекдотов поговорили порядком, но под конец выдохлись, а тут Рита Ивакина и спрашивает: «Что, больше и анекдотов не знаете? Ну, так и быть, я вам «сказку» расскажу: «Жили-были дед и баба, и была у них курочка ряба. И снесла курочка яичко, не простое, а... пёстрое. Дед гадал, гадал, почему пёстрое, - не догадался, баба думала, думала - не додумала, а петух подходит и говорит: «Будет опять индюку морда бита!»

.....

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ДНЕВНИКИ

Эти серенькие тетрадки с пожелтевшими от времени страницами я бережно храню до сих пор. Их отдала мне Тамара Кнутова в те давние студенческие годы. По её словам, дневники забыла квартировавшая в их доме учительница, по всей вероятности, и записавшая эти странички в 1941 году.

- Возьми их себе, - сказала Тамара, отдавая мне дневники. - Думаю, что ты сумеешь их использовать наилучшим образом. То, что раньше я слышала и читала про блокаду Ленинграда, я как-то совершенно по-новому осознала лишь после того, как прочла это.

Заинтригованный её словами, я в тот же вечер прочёл эти две тетрадки в клеточку и растерялся, и ужаснулся одновременно. Пятнадцатилетняя девочка, учащаяся строительного техникума, день за днём скрупулёзно описывает, что ей удалось поесть в тот страшный блокадный год, и это для неё самое главное, самое важное, хотя здание, где она живёт со своей сестрой Таней, сотрясается от бомбёжки, хотя рядом рушатся другие здания, и от бомбежки, и от артиллерийского обстрела каждый день гибнут люди, но всё это уходит, как бы, на второй план по сравнению с постоянным, по сути, хроническим чувством голода, страшнее которого уже не может быть ничего. Даже отчисление из техникума за неуспеваемость её страшит только потому, что она может потерять то мизерное дополнительное питание, что ещё можно получить в техникуме.

Дневник охватывает время с конца октября по конец декабря 1941 года, самый зловещий период блокады, а в это время там работали кинотеатры, и шли занятия в учебных заведениях, шла обычная и в то же время, крайне необычная жизнь, прерываясь по сигналам воздушной тревоги.

Вот лишь некоторые из этих записей:

22 октября.

Выкупили с Таней всё, что дали на эту декаду: по 250 г. мяса, по 100 г. сахару, по 150 г. конфет, по 50 г. масла животного и 100 г. растительного.

Рыбы не дали. На день приходится по 200 г. хлеба, по 2 конфетки и по кусочку сахару.

В два часа начался артобстрел, снаряды упали на площадь Труда, есть жертвы. Погода не лётная, воздушных тревог не было. Пыталась устроиться на работу, но нигде не берут.

24 октября.

Бесперывная артиллерийская канонада. Много разрушений и пожаров. Очень хочется уехать домой, но уже невозможно. Хлеб пекут очень плохой, но и этот маленький кусочек надо растянуть на день. Таня работает, а мне не везёт – не берут.

Воздушных тревог не было пять дней, только артобстрелы. Выпало много снега. Меня вызвал к доске преподаватель по математике решать задачу, а у меня мысли совсем не те, вспомнила про дом и расплакалась, а вдруг я его больше никого не увижу. Очень хочется поесть бабушкиных блинов и хлебца досыта. В буфете дали дополнительную тарелку супа, да ещё кашу по карточкам. Вроде бы наелась. После занятий зашла в магазин и выкупила 100 гр. хлеба. Иду домой, а рука сама тянется в карман отломить маленький кусочек, а в очереди говорят, что будут давать ещё меньше.

29 октября.

Таня встала в 5 утра и ушла в очередь за свининой. Дали по 250 гр. на декаду. Чувствую себя очень плохо, постоянно болит голова. Талоны на крупу кончились. Ну ладно, как-нибудь переживу, лишь бы под бомбу не попасть. В буфете съела тарелку супа, стало легче. Техникум не отапливается, сидим одевшись и в головных уборах. На теоретической механике была контрольная работа, но только записали условие, как начался артобстрел. Борис Иванович говорит: « Мужайтесь!», - но здание так тряслось, что пришлось спуститься в подвал.

30 октября.

Всю ночь бомбили, бесконечный лай зениток и гудение бомбардировщиков не дают уснуть. Только задремлешь и вновь просыпаешься от сотрясения всего дома. Утром выкупила все 200 г. хлеба и съела их с солью, запивая водой. По радио сообщили, что сдали Харьков. Ида Подосёнова заплакала, у неё там родители. Получила письмо из дому, пишут, что, наверное, не увидимся. Весь день редела, голова разболелась до жути, а глаза распухли. Вечером пришла с работы Таня, немного успокоила,

потом попили чаю с солью.

1 ноября.

Наши район стали постоянно обстреливать из дальнбойных орудий. По радио передали, чтобы люди спускались на первые этажи, а мы с соседкой остались стоять в коридоре. Она молилась, а я просто ждала смерти. Потом стало чуть потише, и мы ушли в комнаты. Выкупила хлеб за 1 и 2 ноября и 150 г. сахара, выстояла громадную очередь. Только выкупила, начался обстрел, из магазина никого не выпускали, но я убежала. На улице было страшно, непрерывно стреляли зенитки, а в небе гудели самолёты. Я бежала из последних сил.

Вечером с Таней выпили по 3 стакана чаю с хлебом и сахаром и легли спать. Хлеб пекут очень плохой, но едим его, как нечто отрадное, стараясь не обронить ни одной крошки этого «навозного кома». Если бы сейчас попасть в деревню, да досыта поесть хлеба с похлёбкой, с тыквой, свёклой, картошкой, но эти мечты, наверное, не сбудутся...

4 ноября.

Утром съела натоцак пять конфет (больше ничего не было) и пошла в техникум. В буфете в обед дали тарелку супу, да ещё по карточкам я взяла 25г. макарон. В глазах постоянно темнеет, наверное, малокровие.

На эту декаду выдали 75 гр. масла, я достоялась и купила. Вечером с Таней съели всё масло и 100 гр. хлеба, что она выкупила, а ещё по две конфетки, что у неё оставались. Когда легли спать, объявили воздушную тревогу, но никуда не пошли.

5 ноября.

Дежурю сутки в пожарном расчёте на чердаке техникума.

Днем в буфете дали тарелку супа, а я ещё по карточке взяла 50 гр. манной каши. Хлеба не было, ела так. Весь вечер и почти всю ночь не прилегли. Только ляжешь, сирена воздушной тревоги, голова гудит и слабость ужасная. Бомбы рвались совсем рядом, зенитки били не переставая. Мы дежуриим на чердаке с лопатами, если сбросят зажигательную, то надо забросать её песком, а если упадёт другая, то это смерть. В техникуме дали тепло, но чуть-чуть, всё равно занимаемся в верхней одежде.

6 ноября.

Сегодня было торжественное собрание. Премировали бойцов пожарных команд, меня включили в приказ. В буфете нас пропустили без очереди и дали борщ, и по карточкам вырезали за кашу 25г. После собрания было кино, а потом танцы, но объявили воздушную тревогу и танцы отменили. В гараж, что рядом, попала бомба, дом пошатнулся, в некоторых окнах вылетели стёкла, погас свет. Все бросились на первый этаж, но в подвал не спускались, а стояли у стен и молились: «Спаси, Господи!» Я выкупила хлеб за два дня и уже всё съела. На праздники дали по бутылке красного вина и 200г. солёных зелёных помидор. За два месяца я ни одного дня не была сытой.

7 ноября.

В два часа ночи разорвалась бомба замедленного действия, которую сбросили вчера вечером рядом с домом. Меня сбросило с койки, окно распахнулось, стёкла посыпались, с потолка обвалилась штукатурка. Во второй половине дома, где общежитие техникума, ряд комнат и вход завалило. Девчонки кое-как выкарабкались через запасную дверь. Водопровод прорвало, свет погас. В комнате адский холод, с трудом дождались утра. Артобстрел был всю ночь, снаряды рвались рядом с домом.

В шесть утра передавали речь Сталина.

8 ноября.

Воды и света нет, в техникум пошла не евши. В буфете удалось выкупить кашу манную с растительным маслом 25г. Выкупила хлеб все 200г. Решила с супом в обед съесть 100г, а остальное оставить на вечер, но не утерпела и съела всё.

В четыре, когда я уже была дома, пришла Таня, мы вскипятили чай, но тут объявили ВТ и стали падать бомбы. Дом ходил, как на ходулях. Я прижалась к шкафу и молилась, а Таня, как-то безучастно, сидела у тумбочки и доедала свой хлеб.

9 ноября.

Свет дали. Утром по дороге в техникум выкупила 100г. хлеба, остальные 100г. брать не стала, боялась, что не дотерплю до обеда и съем. После второй лекции удалось перекусить в буфете. Взяла 25г. чечевицы и порцию супа. Объявили тревогу, и все с верхних этажей спустились на первый, где занятия продолжались. После занятий зашла в буфет, там мне досталась порция зелёных щей из мёрзлой чёрной капусты. Дома бы такие

щи вылили в помойку, а тут за ними драка.

11 ноября.

Постоянно хочется есть. Все наши разговоры, так или иначе, сводятся именно к этому, да ещё к воспоминаниям о прошлом. Теперь в буфете всё по карточкам и первое, и второе. За суп вырезают 25г. крупы, а суп овощной. За кашу – 50г. На всю декаду дали талончики только на 300г. крупы, а на каждый день надо по 75г, чтобы не свалиться с голоду и быть, хотя бы, полусытым.

Ждём худшего, говорят, что нормы урежут до 100 гр. хлеба в день и остальное соответственно.

Юра Кантаров сказал, чтобы я написала заявление в профком на материальную помощь. Я написала, дали 30 руб.

12 ноября.

Сегодня хлеб на завтра не дают. Наверное, норму действительно пересмотрят. Весь день ходила голодная. Как жить? Наверное, я умру с голоду. Всю ночь неоднократно объявляли ВТ. Мы с Таней не стали спускаться вниз и продолжали лежать на койках. Ведь если бомба попадёт в здание, то и на первых этажах не спасёшься.

Дело случая - жить или умереть, но хоть и сознаёшь это, а сердце всё равно ноет, и пожить хочется. Постоянный гул самолётов, непрекращающийся лай зениток, стёкла в окнах дрожат вместе с домом, а если бомбы падают очень близко, то койка качается, как колыбель, а в голове одно – вот сейчас и конец!

13 ноября.

Норму пересмотрели. Для иждивенцев и служащих 150г., для рабочих 300г. хлеба, а конца войны и не видно. Народ истерзался и издёргался. Спим не раздеваясь. В бане бываем редко, то тревога, то обстрел, то мыла нет, то бельё не стиральное. А тут ещё и вши и другие заразные болезни. Боже мой! Как пережить всё это! Уже, кажется, больше не вмогую постоянно ходить голодной, но как-то ещё живём.

В обед я взяла в буфете два супа по 25 коп, но это не суп, а помои из овса, который сварен вместе с шелухой. После отбоя выкупила свои 150г. хлеба, и съела с солью, запивая кипятком. Вспомнила про бабушкину похлёбку, которую дома отказывалась есть, а сейчас бы ложечку облизала.

15 ноября.

Тревогу объявили, когда был обеденный перерыв. Я была в боевом расчёте, пришлось ползти на крышу. Встала у чердачного окна, было очень холодно. Во дворе техникума, почти рядом со стеной, упали одна за другой две бомбы. Всё здание затряслось и заходило ходуном. Я прижалась к трубе и стала молиться. Ведь попади бомбы в здание, и все мы превратились бы в кровавое месиво. Ночью спала плохо. Господи! Сколько можно так страдать?! Невозможно ходить голодной и постоянно дрожать под бомбёжкой.

16 ноября.

Сегодня выходной, но выходной и от учёбы и от еды - буфет закрыт. Живу на день вперёд. Выкупила хлеб за 17-е и съела с солью и чаем. Чувствую, что стала опухать. Завыла сирена ВТ, никуда не пошла, стала гадать на картах. Вышло хорошо, что немцы будут отбиты, не знаю только, исполнится или нет.

17 ноября.

В техникуме меня предупредили, что отчислят за неуспеваемость, а я ничего не соображаю, голова почти постоянно болит или кружится. Да и у других положение не лучше, разве кто из местных, где в семье есть рабочие, тем чуть полегче. А мы с Таней обе на минимальной норме, правда, она хоть работает, и у неё в мастерских днём хоть чем-то, но кормят. Взяла в буфете два овсяных супа и турнепс. Всё съела с удовольствием, забыла и про шелуху.

Ходили с девочками в к\т «Баррикада» на к\ф «Маскарад». Народу было много. Картина хорошая, некоторые сидели и всхлипывали. Вернулась домой в 5 часов. Есть хочется до невозможности.

18 ноября.

По пути в техникум выкупила 150 гр. хлеба за 19-е и в техникуме съела с солью, не дожидаясь обеда, а на обед дали по порции щей и кашу, за то и другое вырезали по 25 гр. крупы. В щах кроме зелёных листиков капусты ничего не было, но с голодухи всё съелось. Каши было всего по две чайные ложки с постным маслом. Слизнёшь эту кашу и, кажется, счастлива до нельзя, а поднимешься с буфета на пятый этаж и снова есть хочется. Вечером Таня убеждала меня никуда не уезжать из Ленинграда, что, мол, всё скоро образуется и улучшится. Я, для вида, соглашалась, а про себя

думала, что, как только откроется дорога, уеду в деревню с первым же эшеленом.

20 ноября.

Сегодня норму хлеба уменьшили до 125, а рабочим до 250г. Во сне я видела себя в деревне, собирала яблоки и ела картошечку досыта. Если бы сейчас попасть домой, я, наверное, съела бы целый пуд картошки вместе с кожурой.

Мы сейчас совсем обессилели, трудно подняться на пятый этаж. А крупы на декаду у меня осталось всего пять талонов, это по одному талону через день. Если бы открыли дорогу, я с ума сошла бы от радости.

22 ноября.

Ровно пять месяцев войны. В армии уменьшили норму хлеба до 300 гр. С такой нормой не навоюешься! А у меня страшно кружится голова. На занятиях только слова, что занимаемся, в голову ничего не лезет, одни разговоры о еде.

Много говорят о конце войны, говорят, пусть бы немец пришёл, хуже, чем есть, не будет, но я готова ещё потерпеть, но чтобы его отогнали.

Вечером с Таней ходили в баню. Вода была горячая, народу мало. Оставили там по пуду грязи и вшей. Дома легли в чистую постель и спали, как убитые.

27 ноября.

Встала рано, быстро оделась и, не умываясь, пошла в техникум. На улице темным-темно, только вспышки от проходящих трамваев и троллейбусов на мгновение освещают улицу. Зашла в булочную, выкупила 125 г. хлеба за 28-е. В техникум пришла рано, села у батареи и съела весь хлеб, а потом грызла дуранду (жмых), что принесла Таня.

В общежитии у девочек страшное воровство. Воруют продукты, так что лучше не оставлять даже под замком. Я счастлива, что живу не в общежитии, а с Таней. В булочной из рук вырывают хлеб и даже тащат с прилавка. Вечером одной по улице с хлебом страшно идти. Люди ходят все опухшие и еле переставляют ноги. Вечером Таня с подружкой выкупили повидло 325 г. вместо растительного масла и съели его с кофе.

30 ноября.

Второй день голодаю. Получила продовольственные карточки на декабрь. Хлеб разбит по 25 г., крупа, сахар и масло по 5 г. Таня дала мне свою карточку и я выкупила 125 г. хлеба. По радио передали, что наши взяли Ростов. Говорят, что скоро откроют дорогу на Ленинград. Дай-то Бог!

21 декабря.

Ещё лёжа в постели, мы услышали отчаянный, душу раздирающий вопль. Это выла тётя Шура Фролова, что живёт через комнату от нас. У неё сегодня утром вытащили все продовольственные карточки на эту декаду, а у неё трое детей, бабушка, муж и она сама. Один ребёнок грудной, и теперь они остались безо всего. Они и так были опухшие, а теперь, что им делать? Карточки сейчас всё, хотя и на них почти ничего не достать, но хоть 125 г. хлеба, да и то каждый день. И что с ними будет? Только умирать. Ночью спится плохо, то и дело просыпаешься и ждёшь утра, чтобы выкупить хлеб. Сегодня за хлебом ходила Таня. Я со своим кусочком столько съела соли, что в техникуме под краном надулась холодной воды, хотя знаю, что сейчас это самое вредное. Техникум снова не отапливается, пальцы ничего не чувствуют, а надо записывать лекции.

Если я буду жива, то сразу же, как откроют дороги, уеду в деревню. Народ гибнет, как мухи, ходят черепашьими шагами, на кладбищах гробов нет, хоронят в братских могилах. Скорей бы эвакуироваться и не видеть этого кошмара!

22 декабря.

Шесть месяцев войны. Каждый день смертность в несколько тысяч человек. И такая участь ждёт каждого, если только он не работает в столовых или на продовольственных базах, или же имеет какие-то запасы. Кошек и собак нигде не найти и не купить ни за какие деньги. Если я только останусь жива и доберусь до дому, я на зиму засушу сухарей мешка два или три, накуплю на рынке чечевицы, она, наверное, не дорогая и буду работать или учительницей, или продавщицей. Насобираю и засушу на зиму грибов, наберу яблок, муки запаса. Уж очень хочется блинов досыта поест, но, наверное, не дожить мне до этого, если война затянется хотя бы на месяц.

Сегодня видела во сне куски белого хлеба, но не ела. Эх, если бы попасть домой, я бы там всё, что было, съела бы в один день. Похлёбки бы

велела ведёрный чугунок наварить, да пышек сковороду с кислым молоком. Только не дожить мне до эвакуации. Я бы не стала стремиться к городской жизни, а занялась бы обыденщиной, только бы пережить этот голод, бомбёжки и обстрелы и попасть домой. Как хочется увидеться с бабушкой, перекусить у неё чего-нибудь, хоть хлебца с сольцей, а ещё супу густого и картошечки в мундире.

Господи! Только бы дожить и попасть домой к маме, папе, бабушке. Ой, сколько я поем там чечевичной каши, чугуна два сразу, и, наверное, не наемся досыта. Сейчас все похудели настолько, что только кожа обтягивает мослы, ни груди, ни живота нет, все косточки на счету. Уж в бане стали бояться друг на друга смотреть, все словно доски. Вот попала бы я домой, в одну неделю растолстела бы.

24 декабря.

В шесть утра пошла в булочную за хлебом, выстояла час и выкупила 125 г. за завтрашний день. Сколько в нём муки я не знаю, но жмыха точно не менее половины. Отщипнула маленько, а остальное сунула в карман, чтоб не вырвали. Дома съела хлеб с с солью, выпила кофе с конфеткой и пошла в техникум. На электротехнике раздавали талончики на обед, без которых в буфет не пройти. Удалось взять два супа, один съела сразу, а другой слила в банку на вечер. Ещё съела 25 г. лапши. Хотела сходить в баню, но те бани, что ближе, все закрылись, нет дров. Ну да ладно, легче быть грязными и вшивыми, только бы не голодными. На уроках сидим, как истуканы, только и думаем, как бы поесть, да очередь в буфет не прозевать, а что преподаватель говорит, пишется машинально. Обещают с января норму хлеба увеличить до 200 г, а рабочим до 400 г.

25 декабря.

Вчера света не было, дали только ночью, а утром опять сидели с коптилкой. В комнате холодно, руки и в перчатках мёрзнут. На улице непрерывная канонада. В шесть утра пошли с Таней в булочную. Хлеб есть, но не отпускают. Продавец сказала, что ждут особого распоряжения. Пошли в другой магазин, а там уже хлеб по новой норме дают - 200 г. служащим и 350 г. рабочим. А я-то не верила, и вот радость какая! Днём в буфете удалось хорошо поесть. Досталась лапша 50г, турнепс 25 г. и два супа, один съела, а другой отнесла домой, и мы вечером с Таней поели. Таня принесла с работы жмыха. Он сейчас ценится наравне с хлебом, и мы его погрызли. Это большое счастье!

На этом записи прерывались. Судя по рассказам Степаниды Алексеевны, матери Тамары, Мария Ерёмкина была эвакуирована в январе вместе с учащимися техникума в Томск, но туда не поехала, а вернулась домой, где после войны окончила Саратовский пединститут.

.....

В пятидесятые годы, когда мы учились, с продуктами питания были перебои, в том числе и с хлебом, но, как только дела выправились, хлеб в столовых стали включать в стоимость блюд, и он свободно стоял на столах, чуть позднее это произошло и с чаем, правда, только в буфете для преподавателей, который мы за это называли «коммунистическим», но там и для студентов была возможность, когда «неожиданно» кончались деньги, заморить червячка, выпив пару стаканов чая с чёрным хлебом.

Стипендия в технических вузах того времени составляла 290 – 360 рублей, в гуманитарных - чуть меньше, что позволяло жить на стипендию, тем более что плата за общежитие не превышала 15 - 20 рублей, а месячный абонемент на обед стоил 120 рублей.

.....

КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ

Одним из острых вопросов того времени было обсуждение на партийных и комсомольских собраниях закрытого доклада Хрущёва на двадцатом съезде партии по культуре личности Сталина. О том, что будет такого рода разговор, мы знали задолго до комсомольского собрания, поскольку обсуждение шло повсеместно, где раньше, где позже, и разговоров было много. И, тем не менее, несмотря на эту предварительную информацию, то, что мы услышали, было необычно ново и очень впечатляюще.

Этот вопрос стоял последним в повестке собрания, но все прекрасно понимали, что как бы не «громаднючи» были задачи комсомола, поставленные съездом партии, не это явилось основной причиной нашего сбора, хотя прения по первому вопросу были довольно острыми. Дискуссия разгорелась вокруг заорганизованности комсомольской работы и отсутствия действенной помощи непосредственно студентам.

- От комитета комсомола и нашего факультетского и общеинститутского значительно меньше пользы, чем от работы профсоюзной организации и студсоветов в общежитиях, - высказал общее мнение Виктор Теслин.

- Но в студсоветах и в профсоюзе тоже наши комсомольцы! - возразил комсорг факультета Валерий Горшков.

- Так вот и сделайте так, чтобы и в «вашем» комитете были «наши» ребята! - не согласился Виктор. - Да вы хотя бы просмотрели нашу институтскую газету - сплошные лозунги! А о том, чем живём, что волнует - ни строчки! Хоть бы показали в газете, как галстуки завязывать, и то бы польза.

Виктора поддержали и другие. В постановление собрания записали всё, что наболело. После этой свободной дискуссии доклад о культуре слушался с каким-то особым интересом. Раза два хлопали, когда речь шла «о высоких материях», да и то только потому, что захлопал президиум, неудобно было не поддержать. Непроизвольно раздались рукоплескания после слов Хрущёва о Тито: «Чем только не махал Сталин, а Тито остался». Аплодировали и после слов, что «дворец съездов будет построен». Особо бурные аплодисменты вызвало обращение Хрущёва к Ворошилову, написать о том, что он знает о Сталине.

Доклад потряс и взволновал. Жаль было людей, что погибли в лагерях и тюрьмах. Все мы (по крайней мере, я тогда так думал) внутренне были согласны со словами, что Сталин должен ответить за всех безвинно расстрелянных и замученных, «если не при его содействии, то при его попустительстве». И в то же время возник вопрос, а как должен ответить человек, которого уже нет в живых? И почему он один? Впервые для нас раскрылась, хоть частично, клоака высшей партийной жизни. И хоть я догадывался об этом, но слышать такое было страшно.

Непроизвольный ропот в зале вызвали слова, что, возможно, не остались бы в живых и Молотов, и Микоян. А ведь прошло не так много времени, после обсуждения этого доклада, когда и эти люди лишились своих постов, разве что без физической расправы над ними. «Разоблачение антипартийной группы» в составе Молотова, Кагановича и Маленкова прошло уже на следующий год, и, как результат, с фасада нашего института, носившего имя Вячеслава Михайловича Молотова, рабочие стали сбивать эти буквы. Алмаз решил сфотографировать «эту процедуру», но был остановлен «человеком в штатском», который, предъявив удостоверение работника КГБ, засветил у него плёнку и посоветовал «впредь воздержаться от подобной инициативы».

В то время, да и позже, информация о такого рода событиях, оставалась крайне дозированной, и наружу выходило только то, что невозможно было скрывать или нужно было подать «под соответствующим соусом». Я не помню, чтобы мы тогда как-то уж очень-то дискуссировали между собой на тему «партийной жизни», да и после обсуждения доклада «о культуре» разговоры такого рода не носили повседневного характера, сказывалась инерция предыдущих лет, и не потому, что боялись, а именно «по инерции».

.....

К С Ю Ш А

*«Уж, коль стряслось,
Что жениcina не любит,
То с дружбою натерпишься стыда,
И счастлив тот,
Кто сразу всё отрубит,
Уйдёт, чтоб не вернуться никогда!»*

Константин Симонов

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Ранней весной на четвёртом курсе я совершенно неожиданно для себя влюбился. Влюбился до одури, до умопомрачения, до безрассудства. Хотя по началу эта четвёртая студенческая весна не предвещала никаких неожиданностей.

.....

Пройдя в зал, я остановился недалеко от входа, скользя взглядом по лицам танцующих. Кто-то тронул меня за руку, я оглянулся. Передо мной стояла миловидная девушка, миниатюрная, как куколка, с большими выразительными глазами.

- Разрешите Вас пригласить?

Девушка продолжала держать свою руку на моём локте и выжидающе смотрела на меня. Яркие бусинки карих глаз больше всего поразили меня в первое мгновение, и лишь потом, я разглядел всё остальное: и пухленькие губки, и каштановые локоны волос, и высокую грудь, и чрезвычайную соразмерность всей её фигурки. После секундного замешательства я шагнул навстречу и обнял девушку за талию. Узнав её имя, я почти сразу стал называть её Ксюшей, мне казалось, что это более соответствует её миниатюрности. О чём мы говорили, я не помню, да я и не придавал этому значения, хотя и протанцевал с ней не один танец, но потом отошёл и как-то потерял из виду. Каково же было моё удивление, когда ровно через неделю, первого марта, на комсомольской свадьбе Виктора Теслина, товарища по

группе, я, занимая место за свадебным столом, поднял голову и увидел напротив себя эти большие выразительные глаза и улыбающийся ротик.

- Здравствуй! - опередила меня Ксюша, - вот видишь, как бывает!

Будучи оба в соответствующем настроении мы встретились, как старые знакомые, и мило проболтали и протанцевали весь вечер. На сей раз она произвела на меня ещё большее впечатление. И что самое удивительное, наши комнаты в общежитии были почти рядом, её 104 была чуть правее нашей 109 по коридору напротив.

Позднее, я неоднократно задавал себе вопрос: как мог я раньше не обратить на неё внимание? Наверняка за полгода проживания в этом общежитии мы сталкивались не один раз, находясь так близко друг от друга. Но, видимо, просто не пришло время разглядеть её, взглянуть на неё иначе, увидеть то, что так разительно отличало её от подруг, да и от других девчонок тоже.

Круглая отличница, она училась на нашем факультете, но курсом поздней. Проработав год после школы преподавателем начальных классов, она легко сдала вступительные экзамены. Была общительна, умела подать себя, легко сходилась с людьми, прилично пела, аккомпанируя на гитаре. Это и многое другое, я узнал позднее при наших встречах, которые с этого дня приняли регулярный характер.

Второго марта мы долго бродили по городу, шестого снова встретились на танцах, а восьмого я был у неё в гостях, ближе познакомившись с её подругами по комнате Валею, Ниной и Любашей, и как-то быстро сошёлся с ними, оказавшись «ко двору», как определила Валя, полногрудая красавица, внешне ничем не уступающая Ксении. Мой подарок, кукла Андрюшка, всем очень понравился, а Ксюше - в особенности, и я радовался, как мальчишка. В этот вечер мы впервые поцеловались. Одиннадцатого, тринадцатого и пятнадцатого я снова был с ней, а шестнадцатого марта, словно ревнивец муж после длительной разлуки, исцеловал её до синяков, так что в тёплые весенние дни ей пришлось надеть свитер, чтобы не было видно этих отметин на шее. Она, конечно, обиделась на меня, но прошло и это, и мы снова были вместе, ибо встречались часто, даже очень часто, хотя в то время мне и этого казалось мало.

.....

«ОБГОНЯЮЩАЯ ВЕТЕР»

С утра кроптел над чертежами. Устал, но проект закончил. Сдал где-то около пяти. Вернулся в общежитие, завалился на койку. Ребят не было. Чтобы как-то развеяться, включил приёмник. Совершенно случайно попал на начало радиопередачи по повести Кудиевского «Обгоняющая ветер». Повесть взволновала меня, я слушал радиопередачу, затаив дыхание, волнуясь и переживая вместе с её героями.

«Говорят звёзды, которые гаснут, светят нам ещё тысячи лет, а бывает такая любовь?» - спрашивает девушка влюблённого в неё юношу. Он моряк, она дочь моряка. Их любовь взаимна, но, как неперемное условие своей любви, девушка требует от юноши сделать выбор между ней и морем.

Юноша, оказавшийся по болезни в доме отца девушки, шкипера шхуны, на которой он плавал, искренне полюбил Марию, но с не меньшей силой он любит и свою профессию. Возвращается шхуна, и юноша говорит девушке, что не может бросить море, и снова уходит в рейс. Происходит тяжёлое объяснение, но тверда Мария в своих убеждениях, слишком много отняло море у неё и её близких. Происходит разрыв. На утро на шхуне не оказывается Фёдора, моряка давно влюблённого в Марию, а, вернувшись после рейса, юноша встречает Марию вдвоём с Фёдором. Невыносимой становится для Алексея жизнь на шхуне, и он уходит с ней. Осунулся старый шкипер, отец Марии, горячо желавший им счастья. С болью в сердце он говорит Алексею на прощание: «В жизни, как и в рейсе, иногда лучше не становиться на якорь, чтобы потом не рубить цепи». По дороге на станцию слышит Алексей прерывистое дыхание за спиной и родной близкий голос: «Алёша! Остановись!» - но он идёт дальше, не оглядываясь.

Через много лет, когда у Марии уже было двое детей, а Алексей стал капитаном дальнего плавания, они случайно встретились у старого шкипера, куда Алексей приезжал почти каждый год. Не мог он забыть Острой косы, на которой встретил девушку в матросской тельняшке.

И вот они снова на Острой косе. Твёрдо посмотрел моряк в глаза Марии. Нет, не изменилась для него Мария.

«Почему ты тогда не оглянулся?» - спрашивает она его.

«Я не верю в счастье, ради которого надо оглядываться назад», - отвечает убелённый сединами капитан.

«У каждого в жизни бывает попутный ветер, не стоит его бояться, а я испугалась, - словно оправдывая себя, говорит Мария, и, глядя на Алексея, добавляет: - А ты поседел!»

«Одиночество всех красит одним цветом», - отвечает он.

На следующее утро Алексей уезжал из рыбацкого посёлка на рейсовом катере, морем. На Острой косе он увидел два белых пятна: платье Марии и борт старой шхуны. Глаза подёрнуло пеленой, и привычно опустилась в карман рука за другом странствий, старой трубкой. Но вдруг заскорузлые пальцы сжали хрустящий комок. Он вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Это было письмо Марии, что она положила перед отъездом в карман его кителя. «... Никогда не надо ненавидеть то, что приносит тебе счастье, - писала Мария, - звёзды, которые гаснут, светят нам ещё тысячи лет. Бывает такая любовь!»

Той ночью я долго не мог уснуть. Ворочался, испытывая что-то созвучное переживаниям героев повести, хотя на первый взгляд ничего похожего на наши взаимоотношения с Ксюшей в этой повести и не было, но тем не менее... Как хотелось такой же большой любви! И было больно за Марию, совершившую ошибку на всю свою жизнь. Но как часто бывает, что кто-то из двоих, или оба сразу, не разберутся в своих чувствах, считая то, что происходит между ними, ещё не главным в их жизни, и в итоге счастье проходит мимо.

«Как хочется научиться понимать людей, и как хочется, чтобы поняли и тебя! - думал я, ворочаясь в постели. - Но кто из нас заблуждается? Может быть, для меня это не главная дорога, а может быть, Ксюша уходит с главной дороги на просёлок?»

.....

ЗАЧЁТ ПО ФИЛОСОФИИ

Вернувшись из института, я увидел, что цветы, что привезла Ксюша, поблекли. Кто-то из ребят, по неосторожности, пролил воду, а долить забыл. Стебли цветков согнулись, и часть листьев сморщилась, а тюльпан, что Ксюше особо нравился, бледно-красный в центре с жёлтыми кончиками лепестков, опал, пришлось выкинуть, остальные поставил в две банки и долил воды. Сашко пришёл через четверть часа, заходил на кафедру, уточнить о зачёте по философии, махнул от двери рукой.

- Пошли.

- Куда? - опешил я.

- Сдавать философию. Сегодня предпоследний день.

- Но мы же ни хрена не готовились!

- Ну и что? Вряд ли мы что «нароем» за вечер, а завтра там будет не протолкнуться.

В принципе он прав. Но я же ничего не читал, в голове какие-то отрывки из обрывков, сохранившиеся с семинарских занятий. Сашко хоть что-то листал вчера вечером, когда я был у Ксюши. Но, тем не менее, собрался. Через двадцать минут были в аудитории. За одним из столов уже сидели два субчика. Подходим, кладём перед преподавателем зачётки и тетради по семинарским занятиям, садимся за свободный стол. Осипов даёт нам листочки, в которых по два вопроса.

Читаю свои:

1.Марксистское понятие закона. Два направления в трактовке этого понятия;

2.Ленинское понятие абсолютной истины. Критика Богданова.

Сашко достался «Переход от капитализма к социализму» и что-то про Беркли.

Сидим, смотрим друг на друга. Между нами на столе «Философский словарь». Вертим в руках предметы писчего обихода и взираем на него - сокровищницу наших знаний, ибо всё, что мы должны были почерпнуть из него, мы, по забывчивости, постеснялись взять.

Разглядываю наших соседей. Их взгляды упёрты в лежащие перед ними на столе листочки бумаги и, лишь изредка, туда добавляются какие-то слова, но у них, по сравнению с нами, уже исписано по полстранички у каждого. Пробую последовать их примеру. Решил начать со второго вопроса.

«Абсолютная истина - это истина, не требующая никаких подтверждений» Нет, это не то. Зачёркиваю. Лучше напишу по алфавиту, что мне нужно посмотреть в словаре, если представится эта возможность.

1.Абсолютная истина;

2.Богданов;

3Закон;

4.Относительная истина.

Что ещё? Выписываю отдельно буквы: А, Б, З, О. Смотрю на Сашко. Он так и не начал писать. Сидит, смотрит куда-то мне за спину и вертит в

руках карандаш. Повернул голову, встретились взглядом, улыбнулись друг другу.

Смотрю на Осипова. Ну, что он сидит! Вышел бы куда-нибудь хоть на пару минут, да хотя бы на минуту. Но нет, копается в наших тетрадах. Входит Володька Сенотов. Видно тоже решил попробовать. Может быть удастся заглянуть в словарь, пока он получает от Осипова задание. Не удалось. Не успел даже открыть нужную страницу.

Сенот садится за стол перед нами. О! Да он оказался более практичен. У него помимо тетради с семинарскими записями, что он сдал Осипову, ещё одна тетрадь, видимо взял у тех, кто уже проскочил. Володька выложил тетрадь на стол и, прикрываясь спинками стульев, что стоят перед его столом, осторожно левой рукой переворачивает страницы. Сашко, видно, надоело сидеть столбом, и он отважился тихонько снять со стола словарь, воспользовавшись тем, что Осипов увлёкся газетой, положил словарь на колени, нашёл нужную страницу, и его карандаш зашепел по листочку.

А что делать мне? Словарь занят, шпор нет. Пробую выдавить из себя ещё что-то: «Закон - это абсолютная истина». Нет, это не то. Попробую порассуждать:

«Законы природы существуют независимо от нас и в этом они вполне абсолютны. Пример? - Движение планет. Чтобы мы не считали, как бы не обосновывали, они движутся по своим законам, независимо оттого, что об этом думают люди. И открытие учёными законов небесной механики не означает, что люди создали эти законы, - так, хорошо, это уже можно использовать при ответе. - Но тогда юридические, правовые законы, как разновидности общественных связей - относительны», - по-моему, вполне приемлемое рассуждение, вот только не запутаться бы.

Ура! Сашко закончил свою писанину, тихонько перетаскиваю словарь себе на колени. Как бы умно я не рассуждал, но «подпитка» необходима. Открываю нужную страницу, но успеваю прочесть только определение закона, как слышу слова Осипова:

- Дербенёв! Что это там у Вас? - это он перепутал меня с Сашко. Выкладываю словарь на стол. Чувствую, как кровь приливает к щекам.

Так, всё-таки, что же я успел? - Ленинское понятие закона и слова Канта «Разум даёт законы природе». Ну что ж, немного, но можно попытаться выстроить мостик к моим рассуждениям. Надо бы ещё хоть что-то об «истине». Без «пополнения знаний» по этому вопросу нечего и думать идти отвечать. Придётся рискнуть и заглянуть ещё раз. Прошу Сенотова прикрыть меня, а сам осторожно открываю книгу. Ага! Кое-что есть, но и на сей раз, много прочесть не удалось. Только трактовку и про Богданова, что он отрицал диалектику и был идеологом «пролеткульта». Не густо, придётся изворачиваться. А Осипов уже давно волнуется. Прошло уже более часа, как мы сели, а на его призывы «идти отвечать» никто не реагирует. Наконец, видимо не выдержав, приступает к первому из тех двоих, что сидели ещё до нашего прихода.

- Ну что, Вы готовы?

- Да знаете, второй вопрос не ясен.

- Отвечайте на первый.

В течение пяти минут познаём философию из уст её мученика. Но что такое? О, горе! Он не понят.

- Придётся завтра.

Итак, один ноль не в нашу пользу.

- Кто следующий?

Слава Богу, он нашёлся. Поднялся и движется к столу преподавателя. Это второй из тех двоих. Садится. Отвечает более вразумительно. Да ему и грех отвечать хуже. Я же видел у него под листком конспект пятой главы «эмпириокритицизма». Ещё два беглых вопроса, и счёт становится равным. Так-то оно, конечно, лучше.

Садится Сашко, готовлюсь слушать. Да он оказывается, не плохо уяснил то, что успел прочесть в словаре. Рад за него. Кажется, и здесь всё идёт к благополучному завершению. Но что это такое? Что это за новый вопрос Осипова?

- А как Вы понимаете «разговор с фортепьяно»?

Это хуже. Сашко, чувствую, знает об этом меньше, чем о жизни на ближайшей звезде. Но он смело бросается в бездну.

- Там трудно понять, я пробовал разобраться... - другого, конечно, он сказать не мог.

- А что здесь трудного? - удивляется Осипов, - Дидро сравнивает идеалиста с фортепьяно, которое вообразило, что оно само создаёт звуки, более того - музыку. Другими словами, превратилось из нормального в сумасшедшее фортепьяно.

Вот видишь, Саша, всё оказывается не так и трудно. Да и жизнь на звёздах, наверняка, есть, может быть не на ближайшей, но где-то есть, ты просто об этом пока не знаешь. А Осипов берёт зачётку, и мучения моего друга заканчиваются. Ура-а-а! Теперь моя очередь. Сажусь. Твёрдо и уверенно начинаю:

- Закон - это научная категория, обозначающая необходимые существенные отношения между предметами и явлениями, вытекающие из их внутренней природы. По Ленину понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса...

Какой же я молодец, сумел запомнить формулировку. Теперь главное «не сбиться с ритма». Пробую кое-что добавить от себя, из тех сведений, что были почерпнуты на семинарских занятиях, к сожалению, не регулярно посещаемых мною, иначе бы я зачёт получил автоматом. Как жаль, что я этим не воспользовался! Но сколько было других соблазнов!

- Для идеалистов закон - это следствие их мыслей. Материалисты же считают законы природы независимыми от сознания людей... - чувствую, что «попал в струю» и продолжаю развивать свою мысль: - Для идеалистов, если учёный открыл закон, то это результат работы его ума, но закон всемирного тяготения существовал и до того, как его открыл Ньютон...

Главное не останавливаться, теперь можно сказать и про планеты. Мозг работает как бы параллельно с тем, что произносит мой язык. Мелькает мысль: надо попробовать связать закон с понятиями абсолютной и относительной истины. Это будет не плохой переход ко второму вопросу. Начинаю выстраивать логическую цепочку. Что-то получается, но не так, как бы хотелось. Слышу слова Осипова:

- Слишком много общих фраз и несколько туманно, но что-то Вы знаете.

Отвешиваю мысленный реверанс в сторону преподавателя. Он сообщил приятную для меня новость. Не хочу его разубеждать. Гляжу на стол, у Осипова поверх других моя тетрадь по семинарским занятиям. Оказывается, он её листал! Осипов берёт в руки мою зачётку. Что? Он не собирается слушать мой ответ на второй вопрос? Какая вера в мои знания! Да он просто не хочет терять время на подтверждение этой аксиомы! И, безусловно, он прав. Понятия об истине я успел из словаря «ухватить», я даже успел прочесть, что Богданов был очень передовой естествоиспытатель, он даже ставил на себе опыты! Жаль, что в философии он заблуждался.

Осипов отдаёт мне зачётку. Принимаю это, как должное. Мысленно благодарю за поразительную чуткость и понимание. К сожалению, вынужден раскланяться. Сашко ждёт меня за дверью. Ржём, как лошади, глядя друг на друга, потом зажимаем руками рты и рвём в общагу.

ВОЕННЫЕ ЛАГЕРЯ

День своего рождения я встретил в поезде. Ровно в семь утра пригородный поезд Саратов-Ртищево отошёл от пустого перрона. Мужское поголовье четвертого курса дорфака отбыло в летние военные лагеря. После тягостного расставания накануне ночью я не сомкнул глаз, была какая-то полудрёма с болью в сердце и бесконечным мысленным диалогом. Не в силах избавиться от состояния безысходности и подавленности я забился в угол вагона и отвернулся к окну. Сашко, видя моё состояние, оставил меня в покое, а остальным до меня не было никакого дела. В соседнем купе звучала гитара и знакомые слова «Сиреневого тумана» заполнили сердце щемящей болью.

Для подавляющего большинства из нас военные лагеря были в абсолютную новинку, и ожидание неведомых, пусть и кратковременных, перемен, было оправданной причиной общего возбуждения. Военной программой обучения предусматривалось, что будущие офицеры запаса в военных лагерях, каждый факультет по своему профилю, должны в течение двух летних месяцев познать азы солдатской службы, но благодаря Никите Сергеевичу, великому реформатору-путанику, за год до этого военные кафедры в целом ряде вузов были упразднены, а в других, таких как наш, продолжительность военных сборов была сокращена до месяца, что и предстояло нам отслужить.

Часы, проведённые в поезде, несколько успокоили меня, и команда «Становись!», прозвучавшая сразу же, как мы вывалились из вагонов, привела в относительный порядок мою голову. Час ходьбы по просёлочной дороге, и мы в лагере. После бани, облачённая в бывшее в употреблении солдатское обмундирование, рота студентов, так мы теперь наименовались, выстроилась на плацу перед ровными рядами палаточного городка. В мятых гимнастёрках и галифе мы представляли весьма интригующее зрелище, если судить по улыбкам солдат, стоявших за пределами плаца. Шутоватость обстановки подчёркивал Великанов, и по фамилии и по росту самый высокий из нас, стоящий на правом фланге в тапочках на босу ногу. Сапог 46 размера в день приезда для него не нашлось. Среди чётких палаточных линий и военной техники, застывшей у кромки леса, наша рота выглядела, как инородный предмет в хорошо отлаженном механизме, и потребовалось определённое время и вполне конкретные усилия наших «отцов-командиров», чтобы это отличие стало менее заметным.

В ту первую ночь я уснул, как убитый, и утром соскочил, как ошпаренный, от истошного крика «Подъём!» над самым ухом. Спросонья, ничего не понимая, я шарил руками вокруг себя в поисках знакомой одежды, и окончательно проснулся только от хохота сидящих на койках товарищей по палатке. Оказывается, все уже проснулись, и лишь один я из восьми человек спал, как младенец. Так начался первый день моей службы. «Отцы-командиры», коими для нас были преподаватели военной кафедры во главе с подполковником Коробовым, или Коробухиным, или Коробом, как за глаза

называли его студенты, постарались заполнить нашу армейскую жизнь, до предела уплотнив каждый день службы занятиями, строевой подготовкой и другой дребеденью.

.....

Через неделю службы ребята из части предупредили нас, что ночью будет объявлена учебная тревога. По всей видимости, это делалось, в общем-то, из-за нас, но не одну же студенческую роту поднимать, решили для правдоподобия поднять весь батальон, о чём «солдатское радио» нас и проинформировало.

Следовало по команде «Тревога!» в темноте быстро одеться, взять своё оружие и занять место в строю. Чтобы успеть вовремя, большинство из нас загодя залезли под одеяло в полной амуниции, а кое-кто даже запихал под топчан и свой карабин. Но проверка, проведённая сразу после отбоя, эти «безобразия» пресекла. И, тем не менее, хоть и без сапог, но, через некоторое время, мы под одеялами снова оказались одетыми.

Решили не спать, но не получилось, более того, когда в 3-30 ночи прозвучал сигнал тревоги, большинство из нас из-за недосыпа не сразу сообразили, что это такое. Сообразительнее оказались те, кто, схватив свои сапоги, выскочил из палатки на улицу и натянул их там, успев замотать портянки. Я радовался, оказавшись в их числе, правда, чисто по счастливой случайности, увидел в проёме палатки кого-то из ребят, выбегающего с сапогами. Другие же натягивали сапоги впотьмах, засовывая в карманы портянки и, как полоумные, выскакивали из палаток. Кое-кто перепутал сапоги, натянув их не на ту ногу, а мой сосед Колька Вахрамеев, соскакивая с топчана, случайно запнул свой сапог под другой топчан и полез его доставать. За него запнулся и растянулся в проходе Женька Водопьянов, а потом оба, чертыхаясь, вылезали на карачках из палатки и бежали вслед за нами в каптёрку за оружием. Слава Богу, что в наших карабинах не было патронов! Даже учитывая указание старшины брать оружие из пирамиды подряд, в каптёрке, наверняка, образовалась бы куча мала, если бы дневальные не взяли на себя обязанность по его раздаче и делали это сноровисто и быстро через открытую дверь. Безусловно, ни в какое нормативное время мы не уложились. Сбор закончился пробежкой вокруг лагеря, но и на этом коротком маршруте кое-кто сумел натереть ноги.

Днём были стрельбы. Отстрелялся так себе: 68 из 100 по карабину и почти всё в молоко - из автомата. Надо же тренироваться постоянно, а тут одна теория и разовые выходы на полигон. Как-то всё несерьёзно.

После обеда понтонщики демонстрировали наведение переправы. Красота! Машины одна за другой подходили к урезу воды, развёртывая очередной понтон, и отъезжали в сторону. Прошло не более часа, как переправа была готова.

Время летело невероятно быстро. Наступил день принятия воинской присяги. И хоть никто из нас не подавал и вида, что волнуется, но это яркое

солнечное утро не только в моей памяти. Дул порывистый ветер, ровные шеренги студенческой роты застыли в строю на краю плаца перед полковым знаменем. Памятью о том дне остались стихи в моей записной книжке, написанные под впечатление тех событий.

Замер строй, шеренги слиты,
На штыках зари салют,
Здесь в рядах, ветрам открытых,
Клятву Родине дают.
Крепко сжаты карабины,
Автоматы руки жмут,
Долгом слиты воедино
Здесь клянутся, здесь не лгут.
Для тебя, страна родная,
Мой народ, старушка мать,
Для тебя, родного края,
Здесь клянутся побеждать.
Здесь клянутся твёрдо, верно
Славу Родины беречь,
И с любовью неизменной
За неё, коль нужно, лечь.
Пусть цветут сады и нивы,
Пусть дитя ласкает мать,
Сможем мы стеной единой
За неё, в час грозный, стать!

Ночью нам предстояло «хождение по азимуту». Примерно через час или полтора как село солнце, нас с интервалом в пять минут отправили «по маршруту». Шли попарно, у одного в руках карта, у другого - компас. Надо было пройти по ориентирам, которые следовало найти «по азимуту». Занятие, безусловно, интересное, но это не легко и днём, а тут ночь. А надо ещё и выйти в указанный на карте конечный пункт и уложиться в отведённое время.

Мы с Сашко сбились с маршрута где-то на половине пути. Вышли на поляну, где по нашим предположениям должен был находиться очередной ориентир и, не обнаружив его, растерялись. Что делать? Кругом тёмный лес, кричать нельзя, а время уходит. Тут я вспомнил про пару холостых патронов, что как-то выпросил у солдат. Пошарил в кармане, нашёл патрон и загнал его в ствол карабина. Говорю Сашко: «Отойдём в кусточки». Поднял карабин и выстрелил в воздух.

Произошло то, что мы и предполагали. Не прошло и двух минут, как на поляне появилась первая «азимутная» пара. Дождавшись, когда появилась вторая, мы вышли из кустов и с тем же вопросом: «Это вы стреляли?» - что обменялись первые две пары, подошли к стоящим посередине поляны «следопытам». Получив отрицательный ответ и посетовав на «ту сволочь, что стреляла», «ведь за неё будет всем нагоняй», стали определяться с

направлением. Пока базарили, подошли ещё двое. Безусловно, наличие восьми голов способствовало совместным усилиям по своевременному выходу на конечную точку.

Разбор «инцидента» проводил на следующий день, сразу после завтрака, сам зав кафедрой. Встав перед взводной шеренгой, Коробов, после короткой вступительной речи, потребовал выйти из строя нарушителя Устава, но такого во взводе, почему-то, не оказалось.

Видя безрезультатность своего призыва, Коробов продолжил:

- Ну что ж, пусть виновнику будет стыдно перед своими товарищами за свою трусость, - и уже обращаясь к старшине, добавил: - Проверьте у взвода карабины.

Господи! До чего же он был наивен! Ствол моего карабина мы с Сашко ещё ночью, сразу после возвращения, вычистили до зеркального блеска, и если что и отличало его от остальных стволов, то только этот зеркальный блеск. Но ведь «за усердие» не наказывают. Спасибо капитану Леонтьеву, преподавателю по тактике, что проводил эти учения, который собрав нас, после того, как все пары пришли на конечный пункт, как бы между прочим, сказал: «Надо бы у вас карабины проверить, но уже поздно, да и темно, проверим завтра». Добрая душа оказалась у мужика, и в результате нарушитель остался «неопознанным», что дало в роте очередной повод для хохмочек, в коих не было недостатка в течение всего срока нашей недолгой службы.

.....

Когда до конца «службы» осталось меньше недели, наши «отцы-командиры» во главе с подполковником Коробовым, преподнесли нам на эти дни «приятный» подарок - организовали полевые учения «Действия роты в условиях ядерного удара». Не берусь судить насколько всё то, что происходило, соответствовало возможным реалиям, но у нас грешных студентов эти учения эмоционального подъёма не вызвали.

В 8.00 мы были уже в окопах, по команде надели противогазы и напялили на себя разного рода противорадиационную амуницию. В 8.10 где-то метрах в трёхстах, а может быть и больше, в воздух влетела бочка с соляной кислотой, которая при взрыве образовала гриб, подобный ядерному. Через непродолжительное время рота по команде двинулась в атаку.

Бежать в противогазах было совершенно невозможно, и мы сразу же перешли на шаг, к тому же на нашем пути в разных местах на растяжках были заложены лёгкие пороховые фугасы, которые при обрыве растяжек взрывались, осыпая оказавшихся рядом смесью земли и грязи, поскольку ночью прошёл дождь. Удовольствие было не из приятных, и атакующие взводы из цепей по фронту атаки быстро «реорганизовались» в несколько цепочек, идущих след в след и стреляющих из автоматов и карабинов холостыми патронами «в белый свет, как в копеечку». Офицеры военной кафедры, контролирующие учения, пытались пресечь это «безобразие», загоняя нас в цепи по фронту, но, по сути, безрезультатно. Минут через двадцать - тридцать всем это до чёртиков надоело. Идти по полю с

отдельными пахотными проплешинами было тяжело, сапоги облипли грязью, пот заливал лицо, и в очки противогаза почти ничего не было видно. Когда мы увидели, что первых «поражённых взрывом» фугасов посредники оставляли лежать на земле, дожидаясь санитаров, «потери» среди атакующих резко возросли.

Я на миг представил себе, насколько приятно было бы вот так полежать с «убитыми» на земле, глядя в небо, и сделал попытку рвануть в сторону к очередной растяжке, но был остановлен витиеватой «речью» посредника. Посредники, по всей вероятности, испугались, что до противника никто не только не добежит, но и не дойдёт, и перестали замечать «убитых», а таких, как я, кто пытался самостоятельно оказаться в их рядах, лёгкими пинками и витиеватыми «напутственными словами» поднимали в строй. Чтобы было легче идти, многие отворачивали трубки от противогазов или засовывали пучки травы за противогазную маску, это хоть немного, но облегчало наши «страдания».

С холма напротив, по атакующим вёл огонь «противник», коего изображали наши «инвалиды», те, что двумя днями раньше на марш-броске натёрли ноги. Они думали, что им будет легче обороняться, чем атаковать, но Коробов, возглавлявший оборону, поскольку обороняющихся было мало, заставлял их постоянно бегать от одной стрелковой ячейки до другой, чтобы создавать видимость широкого фронта оборонительного огня, что при наличии мозолей было ой как не сладко.

Хохма произошла на завершающей стадии учений. Сашка Шмыгин, поскольку у него были мозоли на обе их ногах, должен был при окончании атаки подать обороняющимся команду к отходу, выстрелив из ракетницы в воздух. Он сидел в торце окопа и с интересом наблюдал, как мы «бежали» по грязи в накидках и противогазах, похожие на чучела, и от души хохотал, когда кто-либо из нас цеплялся за растяжку и, облепленный грязью, шустрил дальше.

За этим приятным развлечением он совершенно забыл про свою основную обязанность, и сколько не мельтешил руками Коробов с другого края обороны, приказывая подать сигнал к отходу, он этого не видел. Коробов, решив лично проучить нерадивца, двинул к нему, и ещё издали заорал на Шмыгина ядрёным русским матом. От неожиданности, тот резко повернулся к подбегающему Коробову, держа в руках ракетницу.

«Стреляй, засранец!» - вновь заорал Коробов. Сашка выстрелил, но не в воздух, а в сторону подбегающего подполковника. Как тот сумел сориентироваться и шлёпнуться в грязную лужу чуть раньше, чем пролетела ракета, не знает никто. Мы его видели, когда он чуток поотчистился, но и это было «приятное для глаз» зрелище, а вот тем, кто был в обороне, повезло больше - они вместе со Шмыгиным лицезрели Коробова «во всей красе» и прятали лица за бруствером окопа не в силах удержаться от хохота. Обозвав Сашку мудаком, Коробов потрусил в сторону штаба, пытаясь, хоть как-то, привести себя в порядок.

.....

КУЙБЫШЕВСКАЯ ГЭС

.....

От Куйбышева до Жигулёвска мы решили доехать на такси. Шиковать, так шиковать! Чтобы ехать всем вместе, подрядили «ЗИМ», там помимо основных имелись ещё и два откидных места, так что уместились все шестеро. Где-то после обеда ввалились в кабинет главного инженера ДСР-5, предприятия, ведущего работы на подъездах и благоустройстве ГЭС. Мы попали на ГЭС в период подготовки её к сдаче государственной комиссии. Хотя последний из её 20 гидроагрегатов был запущен ещё в октябре прошлого года, работ на гидроэлектростанции оставалось непочтатый край. Это касалось и подходов и внутренней отделки и завершения строительства других подсобных и вспомогательных зданий и сооружений.

В день нашего прибытия до обозначенных сроков сдачи ГЭС оставалось менее трёх недель. ГЭС впечатляла своими размерами. Почти километровая плотина высотой 50 метров, громадный машинный зал с двадцатью турбинами с лопастями у каждой диаметром более девяти метров и скрывающееся за горизонт Куйбышевское море, площадью более шести с половиной тысяч квадратных километров. Со стороны берега люди на плотине казались букашками. Нас всех определили мастерами на различные объекты благоустройства, закрепив за каждым бригады рабочих и соответствующие механизмы, и уже на следующий день мы приступили к работе.

.....

Дни проскакивали незаметно. В связи с приближающейся датой сдачи ГЭС мы работали, не считаясь со временем и без выходных. Нас это устраивало, хоть и уставали с непривычки, но рассчитывали, что такие темпы работы позволят сократить продолжительность производственной практики, на которую отводилось два месяца, и нам удастся пораньше уехать домой. Начальство не разуверяло нас в этих иллюзиях, более того, выдало нам аванс, что было весьма кстати, поскольку после нашего шикарного проезда по маршруту Саратов - Жигулёвск, деньги быстро кончились, не смотря на нашу «жуткую» экономию. Срок сдачи ГЭС был назначен на 10 августа, и объёмы работ, выполняемые за каждые сутки, впечатляли, но, глядя на то, что оставалось ещё сделать, сомнения о реальности своевременной сдачи увеличивались по мере приближения заветной даты.

.....

За два дня до «заветной даты» со стойки удалили спецконтингент и сняли ограждения с объектов промплощадки. На самом ближнем лагере, что располагался чуть ли не в центре Жигулёвска, убрали смотровые вышки, а на воротах повесили вывеску: «Производственные склады». В день приезда Хрущёва громадная естественная площадь, что простиралась от плотины до

Могутной горы, где собрались тысячи людей, была разделена тремя разграничительными линиями из автомашин с оцеплением из солдат гарнизона. Ближе к подножию горы развернули торговые палатки, где уже с утра можно было подкрепиться и охладиться пивом и квасом. Торжественная часть затянулась на долгие три часа и выступление Хрущёва, что было в самом конце, народ уже слушал в пол уха, запивая пивом, а кое-кто и купаясь в Волге.

Мы рассчитывали, что после десятого, с учётом нашей переработки нас особо задерживать не будут, но жестоко ошиблись. Руководство ДСР развеяло наши надежды, хотя нам и пообещали подсократить практику, но «в разумных пределах». Обманувшись в лучших надеждах, мы решили работать «по правилам», в пределах нормативной продолжительности рабочего времени, особо не напрягаясь, но и не выказывая своей строптивости, поскольку предстояло получить ещё и «вознаграждение». У нас появилось свободное время, которое мы использовали для более близкого знакомства с женской половиной города Жигулёвска и даже сумели побывать на экскурсии в Куйбышеве.

.....

ПЯТЫЙ КУРС. ПЕРВЫЕ ДНИ

Серым прохладным субботним вечером я сошёл на перроне Саратовского вокзала. Хотелось быстрее снять с души тягостный груз, заглянуть в её глаза, встретившись лицом к лицу, избавиться от этой неизвестности и неопределённости. Но я не пошёл к ней, устроившись в общежитии и наскоро переодевшись, рванул в институт на танцы, в надежде встретить её там. Многие с нашего курса были уже здесь.

Радостные приветствия и рукопожатия, обмен впечатлениями о практике и каникулах и просто дружеский трёп.

.....

Скучно в старом общежитии, но теперь это наше постоянное место проживания на весь пятый курс. Жаль, в новом общежитии у девчат было лучше, да и веселей, но Володя Шмургалкин, наш председатель студсовета, убедил нас сменить место проживания. Пять выговоров и два выселения за год для нашей компании из 109 был явный перебор. Володя так и сказал:

- Ребята, радуйтесь, что вас переводят. Видит Бог, я защищал вас, как мог, но есть предел и возможностям студсовета, а терпению коменданта, в особенности.

А ведь если вспомнить за что нас наказывали, то ничего сверх крамольного и не было. Новое общежитие планировалось как сугубо женское, но не получилось, пришлось добавить «мужское поголовье», а вот тут-то мы, видимо, оказались «наиболее активными», и все наши «дела» сразу становились общеизвестными.

.....

В старом корпусе наша компашка из 109 распалась. Мишка со Славкой ушли к ребятам из своей группы, мы же с Сашко и с Юрой Вячиным разместились в трёхместном «люксе». Юра был вместе с нами в Жигулёвске, прекрасный парень, душевный, хваткий, надёжный товарищ. Два года назад он познакомился с девушкой, это была одна из самых длительных связей с противоположным полом среди ребят нашей группы, и многие ему завидовали.

.....

Долгое время никак не могли войти в нормальный учебный ритм. После начала семестра прошла почти неделя, но так и не получили задание по курсовому проектированию, отнесли на пятницу, но и в это утро, хотя было уже восемь, мои друзья и не думали вставать. Да и меня, честно сказать, подняло рано не учебное рвение. Хотелось ещё раз увидеть Ксюшу, когда она пойдёт в институт. Из нашего окна дорога от их общежития до института, как на ладони. Стараясь не разбудить друзей, присел на кровати, она у меня у окна, и взял в руки бинокль. Дорога запружена студентами. Их лица можно разглядеть и без бинокля, это какие-то метров тридцать - сорок,

не более, но хочется хоть немного приблизить её лицо. В окулярах мелькают десятки лиц, но вот и она. О чем-то переговаривается с подругами, наверное, из её комнаты. Она в зелёном шерстяном платье, которое ей так к лицу. Несколько пополнила за эти три месяца, что мы не виделись, недаром я её не сразу узнал вчера, когда она шла в общежитие. Отложил бинокль, юркнул под одеяло. Неплохо было бы встретить её в институте. С утра у них лекции в 201 аудитории (ещё накануне я списал её расписание).

Повалиться больше не удалось, в комнату заскочил Вовка Бурлаков, сказал, что задания по курсовым работам будут выдавать в девять. В институт подошли ко второму звонку, перерыв закончился, начался второй час лекций. Возле буфета стояли ребята из нашей группы. Оказывается, задания ещё не выдавали. Ждут. Завязался разговор. А у меня в голове одна мысль - как сделать так, чтобы была возможность задержаться здесь, рядом с 201, до следующего перерыва.

Просить Сашко «притормозить» было как-то неудобно, хотелось, чтобы это произошло само собой. И мне повезло. Когда пошли обратно, на площадке у 201 встретили Алмаза Шарафутдинова. Слово за слово, а я как на иголках, стараюсь затянуть разговор. Минут за пять до звонка подошёл Дьяк и спас положение. Прозвенел звонок, из аудитории повалили студенты. А вот и она. Какой-то отчуждённый взгляд. Отворачиваюсь. Заметила или нет? Не выдерживаю, поворачиваюсь снова, но она уже идёт по коридору.

Получив задание, сразу же ушли из института, на этот день учебной нагрузки для нас было достаточно, пусть «грызут гранит науки» наиболее ретивые. Поехали в кино на «Девушку в чёрном». Прекрасный фильм, временами слёзы туманили глаза. Как хотелось бы посмотреть его вместе с ней!

.....

«А В АГАФОНОВКЕ ОПЯТЬ ЦВЕТЁТ СИРЕНЬ...»

*...Хочу я вновь
вернуться в этот сад,
Хочу понять,
чего не понял все,
Как я хочу
поймать лукавый взгляд
И испытать
ожёг от поцелуя!*

ВЕЧЕРИНКА

Где-то недели за две до ноябрьских праздников я зашёл в гости к Томке Кнутовой, составив компанию Алмазу Шарафутдинову, «дружба» которого с Тамарой вышла на финишную прямую и, по нашему мнению, двигалась к счастливому завершению. Тем не менее, Тамара, не отказывая Алмазу в своём внимании, продолжала держать его на «определённом расстоянии», чем постоянно изводила парня, но мы прекрасно понимали, насколько они подходят друг к другу. Понимала это и Тамара, более того, соглашалась с этим в частных беседах, но «держала марку», не давая Алмазу окончательного ответа. А в остальном, это была чудесная девчонка, умная, добрая, жизнерадостная и отзывчивая, всегда готовая помочь и словом и делом.

Домик Кнутовых мало чем отличался от остальных жилых строений «солнечной республики», разве что был чуть повыше за счёт кирпичного подвала. Мы сидели и пили чай с пирогами, которые на большом блюде поставила на стол Степанида Алексеевна, мама Тамары. Пирог были выше всех похвал, и мы с Алмазом оценили их по достоинству, уплетая с превеликим аппетитом за обе щёки.

- А у нас на Севере к чаю чаще подают шаньги, чем пироги, - заметил я, отправляя в рот очередной пирожок.

- А что это за «шаньги»? - заинтересовалась Тамара.

- Шаньги, как блюдечко из теста, заполненное пшёнкой кашей, творогом или картофельным пюре.

- Так это же ватрушка! У нас их тоже пекут, но без каши.

- Нет-нет. У ватрушки всё сверху на выпечку положено, а у шаньги из теста раскатывается тонкий сочень, у которого бортиком подгибаются края. И вот в эту ямочку накладывается горкой содержимое - творог, каша или картошка и всё это на противне помещается в печь, где и пёчётся.

- Ну и что? - не согласилась Тамара. - У ватрушки только бортика нет, а, в остальном, то же самое. Мама, а ты как считаешь? - обратилась она за

поддержкой к матери.

- Бог его знает, может и есть какое-то отличие, ведь в каждой местности что-нибудь да своё придумывают, - с улыбкой погасила спор Степанида Алексеевна.

Тамара, как я понял, осталась при своём мнении, не согласившись со мной.

Уже дома на каникулах мама разъяснила мне, в чём основная разница между северными шаньгами и ватрушками: ватрушки пекутся из жилого теста, а сочень для шанег раскатывается из нежилого, так сочень прочнее, из жилого теста такие тонкие сочни раскатать трудно.

Разговор как-то незаметно перешёл к предстоящим праздникам.

- Серёжа, как ты смотришь на то, чтобы отметить праздник с девочками из экономического института? - обратилась ко мне Тамара. - Там учится моя школьная подруга, говорит, что их девочки «хотят новизны». Алмаз вот что-то сомневается, а ты как считаешь?

- Прекрасная идея, я думаю, что желающие найдутся. Не все, конечно, но собрать коллектив «единомышленников» вполне реально.

- Так ты этим займёшься? А я бы переговорила с девочками.

- Хорошо. Передай подруге, что «новизну» гарантируем. Дня через два я дам окончательный ответ по количеству участников с нашей стороны.

На том и порешили. Как я и предполагал, желающие нашлись. По количеству «мужского поголовья» была подобрана и соответствующая женская половина. Была достигнута договорённость и по формам участия сторон: девочки - место и закусь, мальчики - «горячительное».

.....

.....

Возвращаясь после консультации, в институтской раздевалке перекинулся парой слов с Раей Лариной из шестой группы нашего курса. Помог ей одеться, и мы вместе дошли до выходных дверей, где меня окликнул Алмаз. Ему надо было что-то уточнить по консультации, на которую он не успел, и мы простояли минут пять. Каково же было моё удивление, когда я, выходя из института, увидел Раису, поджидавшую меня. Я подошёл к ней, и мы вместе пошли к трамвайной остановке.

Как я понял позднее, девчонке надо было выговориться, а я оказался тем человеком, с которым она сочла возможным поделиться своей душевной болью. Хотя мы и были с ней вместе на целине, но между нами никогда не было близко доверительных отношений, а потому её откровенность меня обезоружила, а как я понял из её рассказа, жизнь преподнесла ей далеко не сладкие пилюли.

Летом умерла её мать. Отчим через два месяца женился на другой, и она, практически, осталась без дома. Младшие сестра и брат, пяти и семи лет, для которых отчим был родным отцом, оказались ему не нужны, и их забрала к себе сестра матери, у которой было ещё и двое своих детей. Рая пробовала неоднократно говорить с отчимом, но всё оказалось бесполезным. Обстановка в семье сложилась страшнейшая. Новая жена, что значительно моложе отчима, высказалась категорически против совместного проживания с детьми, и даже, когда они приходили к отцу, делала всё возможное и невозможное, чтобы их быстрее выпроводить, а отчим даже не пытался ей противоречить. Сестре матери очень тяжело, предложила Рае подать в суд на отчима, но это оказалось сложно, поскольку детей из дома официально никто не выгонял, хотя и жить там им было невозможно.

- Мне бы только быстрее окончить институт да направление получить, я бы их сразу с собой забрала, - делилась Рая, и я верил, что это не простые слова, что она, безусловно, так и сделает. - Вместе как-нибудь проживём, - убеждённо говорила она, - вот только бы перетерпеть эти четыре месяца! Экзамены сдаю, а в голову ничего не лезет, а ведь скоро и диплом писать. Почти каждую ночь, то их, то маму во сне вижу!

Я уже давно проехал свою остановку, а Рая всё говорила и говорила.

- В профкоме была, деньгами помогли, хоть что-то для них купить будет можно, а то совсем поизносились, да и растут!

- А в деканате была?

- Нет. А что?

- Так ведь декан может посодействовать с направлением в такую организацию, где жильё можно сразу получить, да и чтобы детей устроить. Ты не затягивай, сходи, время ещё есть.

.....

В ПРОТИВОРЕЧИВЫХ РАЗДУМЬЯХ

.....

Как-то возвращаясь из городской читалки, в трамвае, нос к носу, столкнулся с Раей Лариной. Обрадовались оба. Интересуюсь:

- Как твои дела?
- Всё хорошо, Серёжа. Уезжаю я.
- Куда? - удивился я.

- В Новоузенск. Там в ДСР старший лаборант в декрет ушла, а у них объём асфальтирования на лето громадный. Вот их представитель и заезжал к ректору за помощью, а тот его к нам в деканат направил, а декан про меня вспомнил и посоветовал ему со мной поговорить. Я и согласилась. Мне там комнату дают, и ребят помогут пристроить, а диплом я и в следующем году защищу. Я уже и академичку оформила. Ребятишкам рассказала, они обрадовались и ждут, не дождутся, когда поедем.

Я смотрел в счастливые глаза этой девчушки, взвалившей на свои плечи такой непомерный груз, и радовался вместе с ней. Сжал её за плечи.

- Счастья тебе, Рая.
- И тебе тоже. Я считаю, что это ты мне помог. После нашего разговора у меня всё пошло по-другому.
- Ты переоцениваешь меня.
- Нет-нет, ты везунчик. Видимо, и мне от тебя что-то досталось.

Она вышла из трамвая через остановку, обернулась и помахала мне ладошкой. Я тоже махнул ей через окно трамвая, радуясь за неё, и всей душой, желая ей успеха.

.....

ПРЕДДИПЛОМНАЯ СУЕТА

В тот выпускной год выбор тем для дипломных проектов был значительно расширен. Почти все проекты имели в своей основе реальные объекты строительства. Партийный призыв «быть ближе к производству» руководство института приняло к действию самым непосредственным образом. Для дорожного факультета это было строительство дорог на территории области, реконструкция городских улиц и набережной Волги в Саратове, работы по которой были уже начаты.

.....

Определившись с темой, я попросил отпустить меня съездить на недельку домой, чтобы прозондировать наличие возможности для работы поближе к дому, да и хотелось как-то встряхнуться перед предстоящей запаркой. Неделя промелькнула незаметно, но я выкроил день, чтобы побывать на строительстве нового комбината, что развернулось в сорока километрах от родного города. Стройка впечатляла своими объёмами. Мне удалось встретиться с управляющим строительством на что я, в общем-то, и не рассчитывал, но Сафьянову до всего было дело, и он нашёл время и для меня. Выяснив у меня всё, что его интересовало, он вызвал кадровика и поручил подготовить ходатайство в министерство, одновременно заметив, что положительного результата от этой «депешки» не гарантирует. Тем не менее, забрав у секретаря копию ходатайства, я уехал со стройки с надеждой на успех. Вернувшись в институт, я рассказал о своём визите Сашко, который, ознакомившись с письмом, ещё более охладил мой радужный пыл:

- Ходатайство может и не сработать. В деканате говорили, что весь выпуск количественно уже расписан между предприятиями, и на распределение их представители приедут, уже имея на руках разрядку.

.....

Время летело стремительно. Весна полноправно вступила в свои права. По всему Агафоновскому посёлку снова во всю зацвела сирень. Белая, голубая, фиолетовая, лиловая, лилово-фиолетовая, розовая, пурпурная, Амурская, Венгерская, Персидская, простая и махровая, она свисала за заборы домов, лезла в окна крупными и мелкими соцветиями, кружила и

дурила голову; от её одуряющего запаха, врывающегося в открытые окна общежитий и дипломок, хмелела голова, и хотелось вдыхать и вдыхать эти хмельные запахи, с сожалением вспоминая о необходимости что-то делать.

.....

До степухи четыре дня. Денег нет. Бедствуем. На ужин сварили макароны, заправили маргаринчиком, уплетаем за обе щёки.

- Вермишель, конечно, была бы лучше, - замечает Юрка.

- Нет, уж лучше макарончики, а то однажды из-за этих «мышинных хвостиков» я чуть было не остался голодным, - резюмирует Сашко.

- Как так? - заинтересовался Юрий.

- А ты вон его спроси, как, - кивает на меня Сашко, а потом сам и поясняет: - Ты вот хорошо не брезглив, а вот Мишка Введенский брезглив через край, видно порода такая, мы же с ним и со Славкой Мещяриковым вместе жили в 109 в женском общежитии. А у Серёжки мода дурная, когда есть начинаем, он чего-нибудь такое и брякнет, а Мишку от этого чуть не выворачивает. Вот так же однажды перед степухой, заняли у девчонок вермишельки, сварили, остатками маслица заправили, собираемся есть. А Серёжка перед этим чего-то опять сморозил, ну Мишка его и предупреждает: «Ещё чего-нибудь такое брякнешь, я тебе этой ложкой так по лбу и врежу». А Серёга ему в ответ: «А я тогда тебе эту кастрюлю с вермишелью прямо на голову и одену». Сидим хохочем, уплетаем вермишель. Вдруг у Серёги две длинные вермишелины свесились с ложки и затрепыхались, а он, глядя на них, совершенно не задумываясь, изрекает: «Во, ..., как мышинные хвостики!» Мишка поперхнулся и с ходу ему ложкой по лбу, а тот хватить кастрюлю с вермишелью и ему на голову. Мишка едва успел отмахнуться. Кастрюля полетела на пол, вермишель по стенам, а те, как два петуха, друг на друга. Славка схватил Мишку, я Серёжку, растащили.

- А что дальше? - заинтересовался Юрка.

- Что-что... Славка их обоих матюжно выругал, Серёгу прогнал к девчонкам снова за вермишелью, а Мишку отрядил на кухню варить ту вермишель, что оперативно приволок Серёга. Правда, ели уже без масла и без маргарина.

.....

Как мы не ждали распределения, но, тем не менее, когда в один из апрельских дней в дипломку зашёл Саша Туркин, наш староста, трясая разнарядкой, все повскакали с мест дабы узреть, «где Родина ждёт своих будущих героев». Большинство направлений было в Поволжье, практически, все области и республики от Астрахани до Костромы, потом была Средняя Азия, два места в Свердловской области, четыре в Казахстане и несколько мест в центральной полосе. Основная потребность - рядовые инженерные должности в дорожно-строительные управления и проектные институты.

Я неоднократно заходил в деканат, но безрезультатно, предстояло принимать решение, не рассчитывая на перераспределение. Решил вместе с Сашко ехать в Кустанай, он на должность прораба, я старшим инженером производственного отдела дорожно-строительного управления. Вячин и Шмыгин тоже определились ехать в Казахстан, только в другой город. Вечером выпили вчетвером. Итог общих раздумий подвёл Юрий:

- Три года это не вся жизнь, пролетят незаметно. Проверим - на что мы способны.

.....

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мне казалось, что написание этой книжки не займёт у меня много времени, благо материала было более чем достаточно, да и в особых фантазиях необходимости не было, но получилось так, что воспоминания, нахлынувшие в связи с прочтением писем и дневников, а так же встречи со старыми друзьями, воскресили в памяти ещё и многое другое, что заставило несколько иначе взглянуть на события тех далёких дней, и в итоге потребовалось почти два года, чтобы завершить эту книгу.

В книгу вошло далеко не всё, что мне хотелось бы включить в неё, но всякий раз, когда у меня возникало такое желание, и я дополнял и исправлял написанное, я с беспокойством думал, что время безжалостно уходит, и мои друзья, кому, в общем-то, и предназначена эта книга, могут просто не успеть её прочитать. А именно это желание двигало моей рукой, когда я исписывал страничку за страничкой, не всегда следуя хронологии и полной подлинности событий и поступков моих героев.

Я как-то попросил одного из моих друзей, после ознакомления с черновым вариантом книги, дать предложения по исправлению того, что на его взгляд, как участника тех событий, не совсем соответствует тому, что было на самом деле.

- Я не вижу в этом смысла, - ответил он.

- Но о тебе же будут судить по тому, как это описано в книге, а ведь это не совсем так! - возразил я.

- Ну и что? Возможно, я или кто другой, ставший прообразом твоих героев, но вполне узнаваемый, так не говорил, или так не думал, или так не делал. Это же частности! Ты ухватил главное - суть тех событий, суть отношений, и за всем этим видно нас живых, а для нас всех важнее всего - чтобы нас помнили.

И он убедил меня, и единственное, что я старался делать с особой тщательностью, так это быть предельно искренним и откровенным, и очень надеюсь, что мне это удалось.

*

*Друзья уходят в мир иной
И за столом места пустуют,
Как будто кто-то в жизни той
Нас всех безжалостно тасует!
Нас, не спросив, срывает с мест,
Бросает в бездну чёрной ночи,
И, поднимая к небу крест,
Нам неизбежное пророчит.
Но то, что есть, и то, что было,
Оставим мы после себя,
Чтобы потомки не забыли
Нас вспомнить, искренне любя!*